

Сергей Лукьяненко
Михаил Тырин

САМОВОЛКА

ПОГРАНИЧЬЕ



Пограничье

Сергей Лукьяненко

Самоволка

«АСТ»

2014

Лукьяненко С. В.

Самоволка / С. В. Лукьяненко — «АСТ», 2014 — (Пограничье)

Идеальных планов не бывает, – в этом пришлось убедиться обычному московскому бизнесмену Степану Зайцеву. Согласившись подменить рванувшего в самоволку брата-близнеца – сотрудника оперативного бюро пограничного дивизиона в загадочном Центруме, – он оказался вдруг в самом сердце чужого, враждебного, смертельно опасного мира. Мира, где спокойному и совсем не воинственному «деловому человеку» предстоит научиться притворяться и лгать, терпеть голод и боль, сражаться и убивать...

© Лукьяненко С. В., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Пролог	7
Часть 1. Новичок	12
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сергей Лукьяненко, Михаил Тырин

Самоволка

© С.В. Лукьяненко, 2013

© М.Ю. Тырин, 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

*I submit to you that if a man hasn't discovered something he will die for,
he isn't fit to live.*

Martin Luther King Jr.

Speech in Detroit, June 23, 1963

*Я хочу сказать вам, если человек не обнаружил ничего, за что он
готов умереть, ему незачем жить.*

Мартин Лютер Кинг-мл.

Выступление в Детройте, 23 июня 1963 г.



Пролог

– Степка, Борька! – крикнула баба Катя, выглядывая с веранды. – А ну хватит по сараям шлындать, похлебка стынет!

К внукам баба Катя обращалась с той же интонацией, что и к своим пороссятам. Да и пороссята у нее были сплошь Петьки, Васьки и Федьки. Наверняка и Борьки со Степками когда-то водились.

Степа и Борис, десятилетние братья-двойняшки, вынырнули почти одновременно с разных концов двора. Прибежали на веранду и уселись за стол, не переставая болтать ногами. Словно и не думали останавливать бег.

– Ну? – прошептал Борис, когда баба Катя ушла на двор. – Достал?

Глаза его горели яркими угольками.

– Фонарь достал, – спокойно и деловито ответил Степан. – Под сарай положил, к веревке. А крючка нету пока.

– Может, на месте найдем какой-нибудь прут, согнем?

– А если не найдем? – рассудительно ответил Степа. – Обратно возвращаться? Там только мусор один и ветки. Откуда там прутам взяться?

– Не знаю... – вздохнул Борис. – Тогда по дороге будем искать. Во! На ремдвор заедем, там точно найдем.

– Это можно, – солидно согласился Степа. – Еще аптечку для велика надо прихватить, у деда снять.

– Да зачем?! Ехать-то всего пять километров.

– Вот пробьешь баллон посередь дороги – будет тебе «зачем»...

Борис бросил ложку и уставился куда-то в неведомую даль, возбужденно выбивая дробь пальцами на темной, сплошь изрезанной поверхности стола.

Мысленно он был уже там, на месте. Велоаптечки и прочие предосторожности казались ему досадными препятствиями, не стоящими внимания.

Жаркое солнце перевалило через зенит. Все стало медленным, ленивым, словно завязло в жаре. И воздух, и пыль на дороге, и редкое кудахтанье с соседних дворов, и запах сена... Все словно повисло, остановилось между временем.

* * *

Пять километров по жаре на скрипучих «Школьниках» здорово вымотали обоих. Но Борис усталости не замечал и брата не жалел. Даже на горках старался темпа не сбавлять, выжимая из себя все свои мальчишеские силы.

Сельская дорога пылила, сухо шуршала под колесами, огибала бугры, приспускалась к мостам над узкими тенистыми речушками.

Наконец Борис перестал крутить педали, дождался, пока велосипед сам остановится, и перевел дух. Степа догнал его через полминуты.

– Вон, глянь... – сказал Борис. – Почти приехали.

В низине перед ними блестели три больших квадратных пруда. Пруды были старыми и, кажется, искусственными. Их для чего-то раньше использовали, очень давно. То ли фабрика здесь стояла, то ли рыбу разводили, то ли просто поля поливали.

Теперь здесь ничего не было. Берега обвалились, поросли темным кустарником и деревьями. Квадратными пруды казались только издалика. Вблизи же было видно, что очертания давно потеряли геометрическую точность, а углы скруглились.

Но не за этим ехали сюда братья, не углы мерить.

Оба знали – за самым дальним прудом есть ложбинка, вся заросшая раkitой. И там, за густыми зарослями, прятались развалины из старого камня. Очень странные развалины – не дом, не сарай, не погреб. Что-то среднее. Пожалуй, это и была та самая фабрика.

Осталось от нее немного – две стены, груды валунов и еще какие-то бортики, лесенки, даже колонны.

Среди развалин был вход в подвал. Братья видели его своими глазами и даже прошли по нему несколько метров. Дальше не смогли – он заканчивался ямой или колодцем, глубину которого понять было сложно. Да и не очень-то хотелось проверять, когда за спиной мама с беспокойством зовет обоих братьев, не понимая, куда они исчезли.

Решили отложить исследование на потом. И вроде почти забыли.

Но вдруг слышали от соседа, старенького, вечно выпимши пастуха деда Егора, историю.

Непростая это была шахта. Говорят, в войну в ней немцы прятались. Целый отряд ушел и так и не показался. Наверно, утонули все. Со всеми своими ремнями, погонями и автоматами.

«Я должен это проверить», – заявил в тот раз Борис. И разубедить его не мог никто в мире. Заробевший поначалу Степа позже тоже подхватил эту волнующую идею: подготовиться, вооружиться фонарями, веревками и крючьями – и ощупать дно ямы в поисках старой-старой тайны.

Ну не бездонная же она в самом деле – эта яма?

Сегодня день настал.

– Погнали! – Борис оттолкнулся ногой и устремился на велосипеде к прудам – прямо через колючий скошенный луг.

Вблизи развалин вдруг навалилась тишина. Чуть доносился плеск волн с берега, немного шелестели раkitы. Но все как-то приглушенно, неясно. Словно имелаcь невидимая, но осязаемая граница у этого маленького тенистого мира с мягкой землей и влажным воздухом.

Вскоре у Степки чуть екнуло сердце: он увидел вход в подземелье, черный и мрачный. И мелькнула мысль – а может, не надо? Глупости ведь это – одним, без взрослых лезть в какую-то яму, в темноту...

Но в следующую секунду он уже смотрел на Бориса – тот был весь в движении и энергии, горел, как пламенный моторчик, разматывал веревку, сгибал из железного прута крючок-щуп, больше похожий на кочергу, проверял батарейки у фонарика...

Его уже не остановишь. Только разочаруешь на всю жизнь и останешься в его глазах нытиком и трусом.

– Ну, пошли! – торжественно проговорил Борька, и глаза его так и горели неумным азартом. – Представляешь, если автомат найдем, а?

Фонарь оказался слишком тусклым, но глаза все же привыкли к сумраку. Пещера изнутри была пустая и странно чистая. Кирпичная кладка на стенах и пружинящий слой прелой листвы под ногами, больше ничего. Ни надписей, ни кострищ, ни битых бутылок.

Борис взял покрепче фонарь, опустилcя на четвереньки и заглянул в яму. Смотрел долго, дна не увидел, но остался доволен.

– Нормально, – сказал он. – Там стенка кирпичная. Я по этим кирпичам – как по лестнице.

– Веревку привязать некуда, – вздохнул Степан.

– А ничего! Вот, глянь... Наматываешь на руку, пропускаешь через спину... вот так... и на вторую руку наматываешь. Теперь не выпустишь, главное, сам крепко упрись. Да не бойся, я на ней висеть не собираюсь. Так, на всякий случай...

Какое-то время Борис провозился, закрепляя на себе крюк. Он был длинный, в рост самого Бориса, и все время норовил неудобно повернуться.

Наконец кое-как прицепил на ремень. Фонарик же пристегнул к пуговице – на нем имела для этого петелька. Завязал под мышками веревку.

– Держи крепче! – задорно воскликнул он и, сопя, полез во тьму, оставив брата в темноте.

Степка старался держать веревку чуть натянутой. Так он чувствовал, что Борька внизу шевелится, движется – в порядке он, короче.

– Отпускай! – кричал снизу Борька. – Еще отпускай!

И все равно было не по себе. И с каждой минутой все больше.

По лицу покатился пот, веревка стала больно резать кожу.

Вдруг показалось, что он уже целую вечность стоит во тьме с этой веревкой, слыша далекий голос Бориса: «Отпускай...»

«Да сколько можно лезть! – в отчаянии подумал Степа. – Веревки же не хватит».

– Отпускай еще, – донеслось до него.

– Давай обратно! – не выдержал Степан.

– Отпускай... – ответил приглушенный голос.

Веревка вдруг резко натянулась. Степан машинально напряг левую, страховочную руку... но вдруг понял, что пальцы не ощущают конец веревки! Нет ее, кончилась!

Новый рывок веревки сбил его с ног. Правой руке не хватило сил удержать, веревка вылетела и проворной змеей умчалась в темноту колодца.

Степка упал на колени, с ужасом глядя во мрак.

– Борька! – крикнул он дрожащим голосом. – Вылезай, я веревку уронил!

Он ждал, что брат сейчас засмеется в ответ, скажет какую-нибудь необходимую колкость про трусливого Степку...

Но прошла целая вечность, а от Бориса не донеслось ни звука.

– Борька! – отчаянно закричал Степа.

Он кричал и кричал, но ему не отвечало даже эхо. Голос тонул в душном сумраке колодца.

Он уже сам хотел лезть за братом, но внезапно пришел в ужас от того, что они оба окажутся там, на дне. И никто не будет знать, куда они исчезли, где искать.

– Борька, скажи что-нибудь! – в последний раз крикнул он, размазывая слезы.

Выскочил наружу из-под сводчатого входа. И сразу ослеп от нестерпимо яркого солнца.

Оно смотрело на него без всякого интереса. Оно ничем не могло помочь, да и не собиралось.

Солнце видело много несчастий, трагедий – ему было все равно.

Степка вскочил на велосипед – скорее нужно искать людей. Рванул через луг на дорогу... вернее, хотел рвануть. Колеса вязли в сухой почве, ехать приходилось в горку.

Кое-как вскарабкался на пустынную дорогу. Сразу понял, что торчать на месте и ждать – мало проку. Надо двигаться, тогда больше шанс кого-нибудь встретить.

Стояла тишина. Только треск тракторного дизеля дробил воздух где-то в полях, очень далеко. Жара колыбалась медузой, прижигая кожу своими щупальцами.

Поехал, набирая скорость. Тут же вспомнил – поселок! Или ферма. В общем, какие-то домики были по правую руку от дороги, далеко в стороне. Огибали эти домики долго, значит – быстрее будет напрямик.

И недолго думая соскочил с большака в поле, на крепко утопанную тракторную колею. По всем расчетам выходило, что вон за тем недалеким пролеском и должны оказаться домики.

Но вот пролесок за спиной, а никаких домиков нет. Только еще одно поле. И за ним – еще один пролесок.

Степка разогнался изо всех сил – уж за тем-то пролеском точно должны быть домики!

На какой-то яме велосипед здорово грохнул – и вдруг педали перестали крутиться, застряли. Степка поднажал, что-то хрустнуло. После этого педали начали проворачиваться свободно, потеряв всякое сцепление с цепью и колесом.

Степан едва не зарыдал в голос. К тому же он понял, что впопыхах схватил Борькин велосипед. А свой – с висящей на раме кобурой с инструментами и аптечкой – так и остался там, под ракетами.

Он побежал. Горло пересохло, пот хлюпал в кедах.

Солнце уже было над кронами деревьев. Ему надоело смотреть на взмокшего испуганного мальчишку, оно уходило.

Степка продолжал бежать, хотя и за вторым перелеском не обнаружилось никаких домиков. И как возвращаться к дороге, он уже не помнил.

Он мечтал только об одном – встретить кого-нибудь, хоть кого-нибудь!

Где-то по-прежнему трещал трактор. Солнце уже скрылось. По траве полз туман, гомонили лягушки в низинах.

Дома с тревогой переглядывались родители. В колодце сидел брат Борька – может, раненый, со сломанной ногой, может, без сознания. Он ждал помощи, он, наверно, кричал, звал кого-нибудь.

Все, что сейчас мог Степка, – это только бежать.

И уже наступили сумерки, а перелески и поля все так же однообразно сменяли друг друга. Ни единого огонька не светило сквозь листву. Степка давно знал, что бесповоротно заблудился, но не мог остановиться. Просто не мог.

И он даже не особенно обрадовался, когда в полной темноте вдруг выскочил на дорогу и увидел знакомый указатель. И побежал по этой дороге, и достиг развилки, от которой до деревни было всего ничего.

Пересек, шатаясь, безлюдную улицу, каким-то чудом не ваясь с ног. Поднялся на крыльцо, споткнувшись о велосипед, толкнул всем телом дверь, ввалился в комнату.

Упал на колени, разразился плачем, от которого тело разрывалось пополам. Сквозь слезы он смутно видел лицо матери.

– Ну, тише, тише, – сказала мама. – Пришел – хорошо. Пойду отца позову, он тебя ищет.

– Мама... мама... – захлебывался Степан. – Борька в яме... в колодце... нужно ехать... я звал, он молчит...

– Успокойся, куда ехать? Зачем ехать?

– Борька в колодец упал... он там лежит...

– Что ты несешь, какой колодец? Борька дома давно, в комнате сидит.

Слезы просохли.

– Дома?!

И тут же понял – он же едва ноги не поломал о второй велосипед на крыльце. Откуда он взялся?

Степка поднялся, хотя ноги едва держали. Прошел в другую комнату, боясь, что его просто утешают для вида.

Борька сидел на кровати, ел булку, запивал молоком. Увидев брата, отставил кружку, посмотрел на него круглыми темными глазами, в которых было нечто такое, что Степан сам испугался.

Эти глаза были страшнее, чем тот колодец.

Надо было что-то сказать, но Степан не мог. Сердце стучало, как паровой молот, пульс колотил в виски, а горло драла наждачка.

Он просто стоял и смотрел.

И Борька тоже смотрел. Тоже молча. И почему-то было ясно – бесполезно спрашивать. Он ничего не скажет.

И действительно, не сказал ни слова.

* * *

Степан вздрогнул всем телом – и проснулся.

Сердце его колотилось – не во сне, а наяву. Почти так же, как и тогда, без малого четверть века назад.

К чему, интересно, его навестило это далекое детское воспоминание? Да еще так ярко, в подробностях, в чувствах...

За окном колыхался серый рассвет, часы показывали шестой час. Закрыть бы глаза и еще поспать, но Степану было как-то не по себе.

Он поднялся, стараясь не разбудить Люду, вышел на кухню и сделал то, что позволял себе не очень часто, – закурил, приоткрыв форточку и впустив облачко морозного воздуха.

Окна выходили на небольшой городской пруд, ныне покрытый льдом. Днем здесь частенько катались на коньках, летом даже ловили какую-то мелкую рыбешку. На покато́м берегу умещалась крошечная березовая роща.

Степану эта картина всегда напоминала другую – ту, что почти полтысячелетия назад написал художник Питер Брейгель. Называлась она «Охотники на снегу». Там тоже был склон берега, деревья, игры на льду...

Степан впервые увидел ее, когда еще учился в школе. Она сразу показалась ему зловещей. Он смотрел на темные фигуры охотников, пробирающихся через сугробы, и думал: что-то здесь не так. Какой-то особый замысел у этих людей. Неспроста они идут в деревню с оружием, но без добычи, пока прочие беззаботно играют и веселятся. А может, они что-то замышляют. Или же произошло нечто плохое – например, на охоте погиб их товарищ...

Позже он даже побывал в Венском музее и увидел картину вживую. И выслушал гида, говорящего о гармонии и умиротворении, якобы царящих на холсте. Но и тогда не поверил.

Степан потушил сигарету под краном и закрыл форточку, зябко поежившись. Пора было вернуться под теплое одеяло и доспать остаток ночи.

Заглянул в комнату к Дениске и Маринке – те безмятежно сопели по своим кроватям.

У себя в спальне вдруг случайно глянул в зеркало – и кисло усмехнулся, машинально пригладив всклокоченные черные волосы. Говорят, что незнакомые люди видят тебя таким, каким ты сам видишь себя в зеркале после сна. Не хотелось бы, чтоб это оказалось правдой.

Тридцать пять лет скоро стукнет. Много это или мало? Черт его знает. Но красивее и свежее уже вряд ли станешь.

Степан натянул одеяло, постарался расслабиться.

Сердце по-прежнему царапала необъяснимая тревога.

Все-таки к чему был этот сон?

Часть 1. Новичок

Вице-канцлер Эдвейг Лори низко склонился над донесениями секретной службы, кутаясь в накидку из зеленого бархата. Кабинет был темный, загроможденный старой мебелью, заваленный горами книг и бумаг. Пахло пылью и старостью.

Сейчас Лори походил на крысу, обнюхивающую в собственной норе добычу. В другое время его можно было сравнить со старым сушеным грибом или пустынной ящерицей. Он был стар и болен, каждый новый прожитый год неукротимо вытягивал из него силы.

Стоящий перед ним человек был, напротив, молод и довольно хорош собой. Черные волосы чуть большей длины, чем допускали правила дворцового этикета, обрамляли чистое, еще не испорченное кожными болезнями лицо. Глаза были темными, глубокими. Бордовый мундир подчеркивал достоинства молодой сильной фигуры.

Дориану Умбару не исполнилось еще и тридцати, а на его плече уже висела лента геральд-министра. Две Лазурные Звезды прекрасно дополняли впечатление.

Правда, сейчас вид у Дориана был не очень бравый. Молодой человек был бледен, нервно кусал губы, а пальцы его чуть дрожали перед предстоящим разговором.

Вице-канцлер наконец закончил чтение. Он что-то сердито пробормотал и одним движением смахнул бумаги на край стола. Затем уставился на Дориана.

– Стало быть, тебе было мало старых скандалов, и ты решил преподнести нам новый? – Голос Лори напоминал шуршание бумаги. – Теперь в столице буду шептаться, что геральд-министр связан с бандитами?

– Ваше полномочие, он не бандит... – вскинул было глаза Дориан, но его бесцеремонно прервали.

– Зачем ты туда сам поперся? – Вице-канцлер сверлил его взглядом. – Хотел произвести эффект? Хотел полюбоваться, как полицейские перед тобой в струнку вытягиваются?

– Я считал это делом чести! Моего друга несправедливо арестовали, и я обязан был...

– Заткнись! – прошипел Лори. – Заткнись, сопляк! У тебя нет друзей, кроме твоего отчества, а ты о нем и не вспоминаешь! Слухи уже расплозились – геральд-министр ворвался в полицейский участок и освободил арестованного грабителя. – Лори в сердцах ткнул пальцем в стопку донесений. – Ты чем думал в тот момент?

– Простите, ваше полномочие. – Дориан весь померк и ссутулился. – Газированное вино слишком кружит голову. Я не подумал...

– Ты еще смеешь мне жаловаться на вино? – Вице-канцлер даже привстал. – Ты же геральд-министр, а не извозчик! Ты должен олицетворять достоинства нации, ее добродетели, а не пороки! Твое дело – заботиться о ветеранах, создавать и возглавлять попечительские советы, вручать награды, сотрудничать с гильдиями и союзами, учредить стипендии! А ты что делаешь? Просаживаешь остатки состояния на гулянки?

Лори вдруг откинулся в кресле, прикрыв глаза.

– Ты ведь круглый ноль, Дориан. Все, что у тебя сейчас есть, – он заговорил очень тихо, – это заслуга твоей достойнейшей семьи. И не секрет, что я тоже многим обязан твоей семье, да и вся нация обязана. У тебя были великие предки. Исключительно ради них я вынужден возиться с тобой. И в этот раз мне опять придется спасти честь твоей фамилии.

– Спасибо, ваше полномочие... – пробормотал Дориан. – Но что вы имеете в виду?

– Проще всего было бы сослать тебя префектом в какую-нибудь глухую дыру, пока здесь не забудут о твоих выходках. Но я поступлю по-другому. Я поручу тебе дело – на этот раз настоящее дело. Справишься – будешь победителем и уважаемым человеком. А если опять оскандалишься, я перестану с тобой нянчиться. Выкручивайся сам.

– О каком деле речь? – Дориан, казалось, слегка встревожился.

– Кабинет министров все чаще поднимает вопрос о том, что нам пора возвращать себе пустоши – начиная от Красного хребта и до самого побережья. Вот ты этим и займешься.

– Я поведу войска? – сразу воспрял молодой геральд-министр.

– Да какие тебе войска? Откуда им взяться... Ты просто отправишься туда и проведешь переговоры с вождями местных племен. Узнаешь, что у них на уме, прощупаешь настроения. Доложишь кабинету... Ни к чему проливать кровь, если можно обойтись мудрым словом.

– Но они же мародеры и бандиты? Зачем с ними договариваться? Мы сметем их одним ударом, и пустоши будут наши!

– Умерь пыл, говорю. Мародеры – да, может быть. А вот бандиты там далеко не все. Полно людей, которые хотят спокойной жизни под присмотром Короны. Племя кечвегов, например, вполне разумные люди. С них и начнешь.

– Кечвеги – мародеры! – Дориан свел брови. – Раскапывают наши руины и торгуют нашими ресурсами.

– А я бы сказал – промысловики. Ресурсы все равно лежат без дела. Узнай, что им выгоднее – платить налоги нам или содержать отряды для защиты от диких кочевников. Пусть присоединяются, пусть становятся гражданами Хеленгара. А мы уж разберемся с бандитами и кочевниками – позже, в рабочем порядке.

– Слушаюсь, – с достоинством кивнул Дориан. – Когда мне выезжать?

– Уже готовься. Казна готова оплатить первую экспедицию. Я также найму отряд пограничников для сопровождения.

– Пограничников? – удивился Дориан. – Но почему не дворцовая гвардия? Мне более привычны люди, у которых чистые мундиры и хорошие манеры!

– Именно поэтому. Гвардия о манерах печется больше, чем о службе. Тебя ожидает не светский раут, а рискованная поездка, и не одна. Пограничникам я могу доверить безопасность миссии.

– Я полностью согласен с вами, пограничники – весьма закаленные бойцы, – благополучно согласился геральд-министр. – Но что им за дело до наших отношений с пустошами? Их дело – высшие границы Центрума!

Вице-канцлер вскинул на него насмешливо-колючий взгляд.

– Не пробовал включить мозги? Напеваю: плато Эль-Пиро... ну?..

– Там... там Поющий лес.

– И что?

– Там появляются вонги.

– Именно вонги скупают наш металл у кечвегов! Зачем нам отдавать металл инородцам, если заводы в Гранце задыхаются без сырья? И зачем пограничникам держать под боком открытые настежь Врата? Теперь дошло?

– Кажется, понимаю... – пробормотал Дориан.

– Наконец-то... Когда совпадают интересы, силы множатся!

Лори помолчал, прикрыв глаза. Было слышно, как вдалеке голосят паровозы.

– Мне нужно отдохнуть. Иди. Подробности обсудим на вечернем совете.

Дориан вышел в коридор, встал перед зеркалом, поправляя мундир.

– Переговоры... – хмыкнул он. – Интересно, о чем с ними можно договариваться? Впрочем, как бы там ни было – пустоши будут нашими.

Он постоял еще немного, любясь своим отражением.

– Вернее, моими.

* * *

Все свои дни рождения Степан и Борис отмечали вместе. Это был негласный семейный закон.

Какие бы важные проблемы тебя ни занимали, 20 февраля, будь любезен, воссоединись с семьей, выслушай тосты, подними бокалы, обменяйся новостями, лишь после этого возвращайся к своим делам.

Только однажды это правило было нарушено – давно, десять лет назад. В тот раз Борис попал в больницу. Он занимался каким-то бизнесом, связанным с дальними грузоперевозками, мотался по областям, вся жизнь его проходила на колесах и на съемных квартирах. И в очередной поездке, где-то под Уфой, он попал в серьезную аварию, что и немудрено.

Он все же приехал к Степану, и они выпили за свое 25-летие, но гораздо позже. Тем не менее формальность была соблюдена.

Встреча с братом была для Степана единственным оправданием традиционных ежегодных посиделок. Сам праздник он не то чтобы не любил, просто не понимал.

Что, спрашивается, мы празднуем? То, что продвинулись на год по календарю? А что в этом хорошего или торжественного?

Совершенно бессмысленный праздник. И не важно, стал ли ты за год умнее, богаче, здоровее, счастливее – или совсем наоборот. Мы все равно исполняем этот ритуал во имя неотвратимости времени.

Сегодня все было как обычно – суматоха, свертки в ярких ленточках, звонки, экстренные пробежки в магазин. Брошенные без внимания дети бесились в своей комнате. Люда металась на кухне.

Степан ждал Борьку, который всегда являлся без звонка в разгар праздника.

Но первым, как всегда, пришел Чепель, весь сверкающий позолоченными часами, очками и запонками. Блестящие эффектные цапки были его слабостью еще со школы.

Убедившись, что размяться коньячком пока не с кем, он удалился в детскую комнату. Собственных детей у него до сих пор не было, а отцовские инстинкты, похоже, начали проклевываться.

– Вы самые счастливые дети на свете, – говорил он Маринке с Дениской. – Если б мой папа, как ваш, был хозяином магазина игрушек, я бы никогда не повзрослел. Показывайте, что у вас новенького...

– Уже двух магазинов, – буркнул Степан, раздосадованный, что дети к приходу гостей устроили у себя невообразимый бардак.

Народ тем временем собирался, заполняя диваны и кресла в большой комнате.

Наконец сели за стол, оставив места для опаздывающих. Чепель на правах старого друга взял на себя первый тост.

– Все знают, что мы со Степкой не только друзья с малых лет. Но и деловые люди. Не стану скрывать, без его помощи я бы свое дело не поднял. Этот замечательный парень...

– Дядя Боря едет! – крикнула вдруг Маринка, прервав «докладчика».

Степан поспешно встал, подошел к окну. Машина у Борьки была приметная и в своем роде уникальная – черный «Хантер» на больших колесах, с блоком дополнительных фар на крыше и другими узнаваемыми деталями.

– Иди встречай, – сказала Люда. – Он ведь опять небось с сумками, с подарками.

Недовольный прерванным тостом, Чепель хотел было пойти со Степаном, но передумал и плюхнулся на место.

Степан накинул дубленку и вышел из подъезда. Машина была, без сомнения, та же самая, только уж больно поцарапанная и замызганная, словно за прошедший год успела объехать вокруг земного шара.

Дверь открылась, и Степан остановился, встревоженно глядя перед собой.

Из машины вышел не Борис, а совсем незнакомый человек. Внешность его на благодушный лад не настраивала – колючий блуждающий взгляд, небритость, обветренные губы и вдобавок довольно грязная, заношенная одежда.

– Ух ты! – воскликнул незнакомец. – А вы и вправду как две капли. Глянь, пацаны!

На задней дверце опустилось стекло – там сидели еще двое. Сразу было видно – из той же породы.

– Одняйцевые! – донеслось из кабины.

– Что происходит? Где Борис? – У Степана от волнения зазвенел голос.

– Да все нормально. У братца твоего проблемка случилась, он просил тебе весточку перекинуть.

– Какую еще весточку? – Степан всерьез испугался. Он уже пожалел, что с ним не пошел Чепель. – Где Борис?

– Не кипишись, говорю. Борька твой – пацан деловой и ровный. Мы все тут перед ним в долгах. Видишь, даже тачанку свою нам отдал. А весточку сейчас увидишь.

«Похитили ради выкупа и теперь будут показывать отрезанный палец», – мелькнула паническая мысль.

– Садись в машину, а то погода не шепчет, – предложил незнакомец. Степан послушался, хотя и не был уверен, что поступает правильно.

В кабине он ощутил, как от незнакомцев пахнет дымом и оружейным маслом. И чем-то еще совершенно незнакомым.

Ему протянули сотовый телефон. Довольно неплохой телефон, недешевый, с большим сенсорным экраном. Правда, выглядел он, как и машина, – весь какой-то грязный, побитый, поцарапанный, словно год провалялся в багажнике среди железок. И вдобавок испачканный чем-то липким.

Зажегся экран, включилась видеозапись. Степан увидел Бориса – живого и невредимого. Даже бодрого. Мысль о похищении сразу отступила.

– Здорово, Степашка! – улыбнулся Борис. – Прости, что срываю традицию, но так надо. У меня проблемы, мне нужна твоя помощь. Пожалуйста, не удивляйся, лишних вопросов не задавай. Тебе нужно срочно выехать ко мне. Бери с собой все деньги, какие сможешь, – они понадобятся. Не волнуйся, все расходы возмещу. Людям, которые к тебе приехали, можешь верить, как мне. Ехать придется далеко, а они расскажут, как тебе готовиться и куда направляться. Это не шутка, ты действительно очень и очень мне нужен. Не так часто я тебя о подобном просил...

У Степана ум за разум зашел от такой новости. Форменный дурдом, иначе не скажешь!

– Он специально это кино записал, чтоб ты поверил, – пояснили незнакомцы. – А то подумаешь, что какие-то мазурики приехали, туфту тебе прогнали...

– Ага, ясно, – кивнул Степан, хотя ничего ясного пока не предвиделось. – А как ему позвонить?

– А никак! Там телефоны не берут.

– Там – это где?

– Слышь, мужик, а вынеси пожрать, – попросили с заднего сиденья. – А то с ночи в дороге, на одних сигаретах держимся.

– А? Да, я скажу жене... – рассеянно отозвался Степан. – Так что происходит? Хоть вы мне сможете объяснить?

– Не, мужик. Что происходит – это ваши с Борькой дела. Нам соваться не велено. Наше дело – только инструкции тебе передать.

– Какие, к черту, инструкции?

– А вот слушай...

В последующие минуты впечатление сумасшествия лишь многократно усилилось. Степан узнал, что должен практически немедленно вылететь в Узбекистан, в Самарканд, и найти там какого-то проводника. Все собранные деньги следовало перевести в доллары или евро и весомую часть этого капитала отдать тому самому проводнику.

Денег, кстати, требовалось очень даже немало – подобной свободной суммы у Степана не было никогда.

Далее следовала целая череда незнакомых географических названий и набор столь же незнакомых имен каких-то людей, судя по всему, иностранцев. Степан в жизни бы все это не запомнил, но к устному инструктажу прилагалась пара мелко исписанных листов с наставлениями.

– Ну, спрашивай, что непонятно, – сказали ему. – А то нам дальше ехать пора.

– А что спрашивать, если ничего не понятно, – глуповато усмехнулся он. – Ушам своим не верю.

– Верить или не верить – это дело твое. Тут мы тебе не советчики, мужик.

Степан вернулся домой.

– Не приехал Борька, – пробормотал он. – Не смог в этот раз. Друзей прислал с поздравлениями.

– Ну во-от... – огорченно протянул Чепель. – И с кем же мне сегодня напиваться?

Степан сел за стол, но ему уже было не до праздника, не до гостей. Он извинился, вышел на кухню, чтобы поразмышлять в одиночестве.

Машина с подозрительными незнакомцами еще не уехала. Все трое почему-то стояли под березками и жевали там бутерброды, выданные женой. Наверно, просто устали от тесноты кабины, решили размять ноги.

Их угловатые темные фигуры отчетливо выделялись на снегу. Чуть дальше был виден замерзший пруд, стайка детишек гоняла на коньках.

«Охотники на снегу», – вспомнилось Степану. – Никому не понятные, всем подозрительные, вооруженные, угрюмые – одни в чужом городе».

* * *

– Ну какая еще командировка? – хмурилась Люда. – Откуда у тебя командировки могут взяться?

– Да ничего особенного. Новый производитель металлических конструкторов приглашает в промо-тур на предприятие, – самозабвенно врал Степан. – Так бывает. Зато первую партию можно взять на реализацию, без предоплаты.

Супруга лишь удивленно качала головой и хмурилась. Впрочем, у Степана сейчас не было сил на долгие объяснения.

Он прихватил портфель с документами и вышел во двор, а через минуту уже выруливал на проспект.

Ни на минуту его не отпускало чувство, что он – участник дурацкого масштабного розыгрыша. Все происходящее не укладывалось в голову, ум протестовал.

Степан даже пересмотрел несколько раз видео с посланием Бориса – ничего нового или необычного он не заметил. Брат был спокойным, говорил искренне и от души – одним словом, явно не врал. И ощущения, что говорить его заставляют под пистолетом, тоже не появлялось.

Он называл его Степашкой. За тридцать пять лет он ни разу не применил такого обращения, если был хоть немного не в духе. Только в отличном, радостном настроении.

Что могло такого случиться? Степану не хватало фантазии на сколько-нибудь убедительную версию.

Зато ему снова вспомнилась та детская история, когда он, весь взмокший и перепуганный, блуждал по лугам и перелескам, а Борька в это время уже спокойно ел булочки с молоком дома. Не происходит ли и сейчас нечто подобное?

Все-таки разные они люди, даром что двойняшки. Борька был шутливый и хулиганистый, но наказывали его редко, относились снисходительно. От Степана же, наоборот, требовали много и строго.

«Будь умнее, – говорила мама. – Ты же старше».

Да уж, старше... аж на целых пятнадцать минут.

Вскоре он заходил в контору Чепеля. Офис блистал эксклюзивным ремонтом и дорогими бесполезными интерьерными деталями, как и сам Чепель.

– Марик, мне нужны деньги, – с ходу проговорил Степан, закрыв за собой дверь кабинета. – Не обязательно наличка, но нужно много.

– Сколько? – забеспокоился Чепель. – И на сколько?

Степан написал сумму на визитке, придвинул к хозяину кабинета.

– Думаю, недели на две, может, на три.

– Да что стряслось-то? Такие деньги без дела в сундуке не лежат, сам знаешь – они работают.

– Ничего не спрашивай. А сумму ты найти можешь, я тебя знаю. Нужно срочно.

– Еще и срочно...

– Да, Марик. Сегодня.

– Сегодня?! – Чепель чуть очки не уронил.

– Ну, так что скажешь? Болтать некогда. Поможешь или нет?

Чепель закружил по кабинету.

– Ты только пойми правильно, – сбивчиво заговорил он. – Допустим, сумму я наберу. Что-то выведу из оборота, что-то займу, что-то добавлю из своих. Но вот ты говоришь – на три недели. А если не сможешь? Ну мало ли что случится? Ты представляешь, сколько человек сюда придут, чтобы подвесить меня за яйца?

Степан помолчал, глядя в окно. Пейзаж тут был тусклым, бессмысленным – кусок бетонного забора и полупустая парковка.

– Я все понимаю, – сказал он. – Давать кредит без гарантий – верх легкомыслия. Если что-то случится и ты вляпаешься в неприятности, то вот...

Он поставил на стол портфель с документами.

– Я переписываю на тебя фирму. Оба магазина. Это с лихвой все покроет.

– Прямо вот так переписываешь? – не поверил Чепель.

– Не прямо вот так. Считаю это залогом. Если через месяц я не возвращаю тебе деньги, все мое становится твоим. Весь этот месяц прибыль магазинов тоже будет твоя, в счет процентов и беспокойства. Ровно месяц срока – устраивает?

– Хм... ну ты и закрутил схему, – покачал головой Чепель, но было видно – он успокоился. Предложение было выгодным, Степан это знал. Свое имущество он предлагал за копейки, в том числе давно выкупленные площади основного магазина.

– Решай быстрее, у меня самолет рано утром. Если решил – едем к нотариусу прямо сейчас.

– Ну что ж... – Чепель всплеснул руками. – Торговал я мебелью, а теперь поторгую игрушками – почему и нет? Поехали к твоему нотариусу.

* * *

После подписания бумаг у Степана оставалась масса дел. Он наскоро простился с Чепелем и отправился по магазинам.

Борька написал действительно подробную инструкцию. И немало внимания там было уделено тому, что брать с собой, а чего не брать.

Из его записей выходило, что какое-то время придется провести в условиях дикой природы, причем в холоде, в снегах! Откуда в Самарканде снега? Разве что высоко в горах?

При этом Борис категорически не советовал брать с собой всякие электронные побрякушки вроде спутникового телефона или навигатора. Это было и вовсе странно – почему бы не иметь с собой навигатор в горах, где даже мобильники не работают? Много места он не займет, а жизнь спасти – может!

Степан уже парковался возле магазина спорттоваров, где был огромный отдел с туристической экипировкой. Он с юности любил всякие штуки, связанные с туризмом и выживанием, – все эти многофункциональные ножи, портативные примусы, разгрузочные жилеты, специальные фонарики, топоры, цепные пилы и прочее. Правда, никогда не покупал. Во-первых, руки не доходили, а во-вторых, использовать было особо негде.

Зато теперь мог с полным правом реализовать все свои потаенные желания. Теперь все могло пригодиться, даже простой компас.

Правда, желания были ограничены списком необходимого, который подготовил Борька. Главное место в нем занимали теплая одежда и обувь. Но Степан прикупил много чего сверх списка. В том числе и спутниковый навигатор.

С одеждой все получилось не совсем ровно. По странной причине Борис усиленно рекомендовал искать вещи из натуральных материалов – хлопок, лен, кожа. Мол, синтетика долго не прослужит. Что за ерунда? – недоумевал Степан. Во-первых, поди-ка найди зимнюю одежду без синтетики. Разве что за дедовым тулупом в деревню сгонять.

А во-вторых, была бы вещь качественная. Тогда прослужит сколько надо.

Рюкзак и большую сумку он паковал в гараже. Если бы Людка увидела меховую шапку и снегоступы, у нее точно появились бы вопросы насчет «бизнес-тура».

Потом позвонил Чепель, сказал, что деньги готовы, можно забирать. А к вечеру Степан стал обладателем увесистого свертка, в котором лежали плотные пачки с главной европейской валютой. В каждой пачке – по десять тысяч. Компактно и удобно.

И вновь накатило ощущение нелепости происходящего. В этих пачках было все, чего Степан достиг как бизнесмен и гражданин. Теперь их следовало рассовать по карманам и отвезти через полконтинента – черт знает куда и черт знает зачем.

«А если все подстроено? – снова мелькнула малодушная мысль. – Вот сейчас подрежут машину, стукнут по голове – и прости-попдай. Одним махом – целое состояние...»

Решив подстраховаться, он позвонил в охранную фирму, которая обслуживала его магазины. Директор по старой дружбе выделил двух хороших бойцов, отставных соборовцев. Им следовало посадить Степана на самолет.

За услугу Степан решил выдать им по полсотни евро. Что ж, деньги невеликие, спокойствие дороже.

Оставалась возможность в последний раз поужинать с семьей. Степан хотел выглядеть спокойным, пытался шутить, но Люда сидела за столом хмурая, погруженная в невысказанные тревоги.

Он бросал на нее быстрые взгляды, и в какой-то момент понял: он дико не хочет расставаться с этими длинными рыжими волосами, большими темными глазами, ласковыми губами и с этим запахом – запахом родной женщины...

Теперь несколько часов на сон. Из-за срочности пришлось брать билет на неудобный рейс с пересадкой в Екатеринбурге, и в результате время перелета растягивалось почти вчетверо.

В шесть утра Степан поднялся, стараясь никого не разбудить. Но Люда все равно проснулась. В прихожей она вдруг порывисто обняла его и быстро прошептала прямо в ухо: «Пожалуйста, возвращайся».

У Степана бешено заколотилось сердце, но он постарался не подать вида. Неловко отшутился и пошел к лифту.

* * *

Вечерний Самарканд встретил сумерками и неожиданным теплом – слегка странным после студенкой заснеженной февральской Москвы. Здесь совсем не было снега.

Степан почувствовал, что одет излишне плотно. Он хотел было снять куртку, но передумал. Тепло было обманчивое, влажный воздух здорово охлаждал тело.

Степан знал, что нужно отойти на сотню метров от здания аэропорта и там взять такси, которое обойдется вдвое дешевле. Так и поступил, хотя прогулка с тяжелой поклажей не слишком радовала. Пока шел, поймал себя на мысли: у него полные карманы денег, а он по привычке экономит на мелочах.

Выбрал наугад ухоженную «Нексию», сработанную на местных заводах. За рулем сидел немолодой седовласый узбек с серьезным лицом.

– Холодно в Москве? – спросил таксист, покосившись на расстегнутую куртку.

– Да, не позагораешь.

– Понятно. Ехать куда?

Степан достал из нагрудного кошелька записи, попытался прочесть название улицы, где жил таинственный проводник, но таксист так его и не понял. Он сам взглянул на листок бумаги, после чего спокойно кивнул.

– Да, знаю. Это на Лимонадке. Садись удобно, ехать долго.

– Два часа, что ли?

– Минут двадцать, а то и полчаса, пока крутиться по району будем...

Сумка и рюкзак заняли все заднее сиденье машины. Степан расслабился и попытался на время ощутить себя туристом. Как-никак, две с половиной тысячи лет городу, и даже восьмым чудом света его называли.

В этих краях он никогда не бывал и теперь доставал из памяти обрывки знаний про обсерваторию Улугбека, усыпальницу Тамерлана, Великий шелковый путь, площадь Регистан, которую особенно хотелось посмотреть, потому что ее рисовал сам Верещагин.

Быть туристом не очень получалось. Голову занимало другое.

Быстро темнело. Степан заметил, что таксист постоянно бросает беспокойные взгляды куда-то вверх через лобовое стекло.

Степан посмотрел на небо, но ничего необычного не увидел.

– Погода портится? – на всякий случай спросил он.

– Да, не... я фонари смотрю, – с досадой поморщился таксист.

– Фонари?

– Ну конечно. Купили лампы дешевые, через месяц погорели половина. Сэкономили, называется.

Вид у Степана был удивленный, и таксист рассмеялся.

– Да я инженер в горэлектросетях.

– Вот как... А почему на такси?

– А куда деваться? Шестеро детей. И каждого накорми, каждого одень, каждого обучи. И сыновей скоро женить. Вот, работаю.

Городской центр Степан так и не увидел, он промелькнул где-то в стороне вместе с его подсвеченными куполами, яркими фресками, мавзолеями и минаретами. Машина юрко пробиравась по узким запутанным улочкам, которым, казалось, не будет конца. Видимо, это и была та самая Лимонадка.

– Вы точно дорогу знаете? – не выдержал Степан.

– Доедем, доедем... – спокойно кивнул водитель. – А как друга твоего зовут, к которому едешь?

– Амир.

– А чем занимается?

– Ну... – Степан растерялся. Кроме слова «проводник», он бы ничего сказать не смог. – Не знаю, работает...

– Доедем... – повторил таксист.

И тут же остановил машину, увидев прохожего. Улица казалась пустой, но через минуту вокруг собрались пять человек, все оживленно спорили и показывали в разные стороны.

Наконец таксист вернулся за руль и убежденно проговорил:

– Сейчас приедем.

Еще минут пять машина протискивалась в узеньких улочках. Наконец остановилась возле высокого глухого забора. В нем была только дверь и больше ничего – ни названия улицы, ни номера дома, ни почтового ящика.

– Здесь, – сообщил довольный собой таксист.

Степан порылся в кошельке и достал бумажку в десять евро. Таксист огорченно покачал головой.

– Сдачи не найду.

– Не надо сдачи. Детям что-нибудь купите.

Водитель помог выгрузить вещи и уехал. Улица была как коридор – вся состояла из таких вот глухих заборов и безликих дверей. Степан потоптался, разминая ноги, и, не найдя кнопки звонка, постучал в дверь.

Прошла минута, другая, но ничего не происходило.

Степана в пот бросило. Ему совсем не улыбалось остаться с грудой поклажи посреди незнакомого города, да еще и на пороге ночи.

Он подумал, что зря сразу отпустил таксиста. Могло случиться, что он адрес перепутал, например... И что теперь делать?

Он снова постучал, громче и решительнее. Почти сразу загремел засов, и дверь открылась.

– Здравствуйте, – проговорил Степан. – Вы Амир?

Хозяин выглядел как простой работяга – немолодой, жилистый, одетый в клетчатую рубашку с засученными рукавами. Он довольно долго изучал Степана, потом вдруг хлопнул его ладонью по груди и рассмеялся.

– Ты – Степа, да? Заходи! А чего колотишь, звонок же есть.

Он показал кнопку. Теперь и Степан разглядел крошечную выпуклость, которую можно было принять за старую заклепку.

Он втащил вещи во двор, перевел дух. Изнутри жилище Амира выглядело куда интереснее, чем с улицы. Перед Степаном был самый настоящий восточный дворик – просторный, чистенький, мощный плоскими камнями.

– Сейчас комнату покажу, – сказал Амир. – Вещи переложить, потом ужинать будем. Потом отдохнешь пару часов, а ночью поедем.

Он вдруг остановился и еще раз внимательно оглядел Степана.

– А вы с Борей и вправду на одно лицо. Не отличишь!

Комната была крошечная, но она имела отдельный вход с улицы, в ней были кровать и ковер.

– Выворачивай сумки, показывай, – сказал вдруг Амир.

– Как? – удивился Степан. – Зачем?

– Надо. – Хозяин вдруг сам ухватил сумку, бесцеремонно расстегнул и вывалил содержимое прямо на пол. – И рюкзак открывай. Буду смотреть, чтоб ничего лишнего не просочилось.

Степану такой подход совсем не понравился. Какое дело этому человеку до его вещей? И почему он должен решать, что тут лишнее?

Амир тем временем перетряхивал поклажу. С одобрением пощупал меховую шапку, мельком глянул на пакет со съестными припасами. С видом знатока покрутил в руках хороший дорогой нож с набором для выживания в рукоятке. Осмотрел американский тактический фонарик, за который Степан выложил почти две сотни долларов...

А вот коробочку с новым навигатором он небрежно ногой отодвинул к стене. И телефон тоже. И дорогую аккумуляторную электробритву.

– Это брать не надо, – объявил он.

– Это почему? – оторопел Степан.

– Не надо, говорю. Здесь оставишь.

– Послушайте, что значит «оставишь»? Это мои вещи, они, между прочим, денег стоят.

Хозяин нахмурился и сердито что-то пробормотал. Степану послышалось нечто вроде «глупый русский».

– Жди здесь, сейчас приду.

Амир вернулся очень быстро. В руках он нес ружье – одноствольный курковый дробовик самого древнего вида. И полный патронташ.

– Вот это тебе даю, – объявил он. – А эту ерунду забираю. Не пригодится оно тебе. И вообще разбери вещи получше, слишком много у тебя всего – не дотащишь, все равно бросить придется. А оружие – надо. Оно тебе больше надо, чем погремушки с батарейками.

Степан принял из его рук ружье, осторожно поставил к стене. Стрелять он в принципе умел. В летние месяцы частенько выезжал с друзьями на стрельбище и палил по тарелочкам. Традиционно самому меткому присваивалось звание «Главный по тарелочкам», после чего были обязательные шашлыки и холодная водка.

Правда, стрелял всегда из чужого оружия – своего не держал. И не из таких древних реликвий, а из ухватистых и комфортных «беретт» и «браунингов».

Но его здорово насторожило это безапелляционное «оружие – надо». Зачем надо? Что, черт возьми, намечается?

– И про деньги. – Амир присел на кровать. – Давай, что привез.

Степан нерешительно принялся доставать пачки, рассованные по багажу и по карманам.

– Давай. – Амир нетерпеливо протянул руку. – Не бойся, лишнее не возьму. Это все?

– Почти. На обратную дорогу оставил и так, на всякий пожарный.

– Пока побудет у меня, а приедем на место – поменяем на золото. Вот столько тебе отдам на дорогу. – Амир изобразил одной рукой небольшую горсть. – Остальное в дело пойдет.

– Я смотрю, у вас недешевые услуги, – пробормотал Степан.

– Это не за просто так! Это за то, чтоб я тебя целого и здорового брату доставил. Привратнику – плати, пограничникам – плати, машинистам – тоже плати. Себе почти ничего не оставляю.

«Проводникам, машинистам, пограничникам...» – промелькнуло в голове. И что получается? Будем тайно пересекать границу в запечатанном вагоне?

Но Амир ничего не объяснил.

– Вещи перебери, говорю, – сказал он и вышел.

* * *

Скоро позвали на ужин. Он состоялся во флигеле здания – в полупустой неуютной комнате, пахнувшей недавним ремонтом. Ни традиционных ковров, ни матрасов для гостей здесь почему-то не положили. Простой дешевый стол и несколько раскладных дачных стульев, вот и вся обстановка.

Здесь Степан убедился, что он не единственный постоялец. К столу вышли еще трое – хмурые, неразговорчивые мужики, все одетые в камуфляж или что-то полувоенное. По виду – не местные, такие же приезжие, как Степан.

Хозяин сел вместе со всеми. Появились две молодые узбекские женщины с платками на головах. Они молча подали чай, пошли за тарелками.

Еды оказалось неожиданно много: целая куча небольших плосечек и тарелочек с овощами, орешками, сушеными фруктами, а еще самса, манты, жареные пельмени, шурпа, какие-то местные плоские пирожки-конверты с тыквой... Несмотря на февраль, была даже зелень.

Степан довольно быстро наелся, тем более что особого аппетита не было, он нервничал. – Спасибо, очень вкусно, – сказал он одной из женщин. – Давно так не набивал пузо.

Та не ответила, просто взяла пустую тарелку и ушла.

– Эй, ты что? – удивился Амир. – Сейчас плов подадут.

– Еще и плов?

– А ты как думал. Плов – обязательно.

– Ну да... – сообразил Степан. – Меня же предупреждали, что вы, узбеки, насчет пожать – большие специалисты.

– А я не узбек, я таджик, – сказал Амир и рассмеялся.

Смех у него был не очень приятный, обидный какой-то. Словно он поймал гостя на некой глупости и теперь потешается.

– Ты кушай, кушай, – проговорил хозяин. – В следующий раз не скоро нормально поешь.

Отяжелевший от еды Степан вернулся в свою комнату. Амир сказал, что у него есть два-три часа вздремнуть.

Уснуть не удалось – Степан по-прежнему нервничал. Он почти не отдохнул, просто провалялся на кровати, мучаясь тревожными ожиданиями.

Ночью в дверь коротко постучал Амир и тут же заглянул.

– Подымайся, ехать пора.

Амир переоделся в военный камуфляж, повесил на плечо автомат, на пояс – кобуру с пистолетом, и его облик совершенно переменялся. Теперь это был не трудяга, а типичный такой командир-окопник. У него даже выправка обозначилась, и голос стал другим – командным.

В темном дворе стоял «ГАЗ-66» с фургоном. Водитель сидел в кабине. Он бросил на Степана оценивающий взгляд и тут же отвернулся.

– Помоги парням загрузиться, – сказал Амир.

Недавние соседи по столу, те самые камуфляжные мужики, закидывали в фургон тюки и ящики. Степан встал в цепочку, помогая передавать груз. Потом бросил в фургон свои вещи, в том числе и ружье.

– Кончайте курить, ехать пора, – сказал Амир, садясь в кабину.

В фургоне было холодно, а еще тут неприятно пахло – похоже, здесь раньше возили мясо. Немного света давало единственное окошечко под крышей.

Машина тронулась. Степан устроился между тюками, положив под голову рюкзак. Камуфляжные мужики достали бутылку водки и по очереди отхлебывали из горла, не предлагая Степану. Впрочем, он бы и сам не стал.

Хотелось поскорей увидеть брата и задать ему наболевшие вопросы. Степан осознавал, что участвует в чем-то опасном, не вполне законном, да еще и в чужой стране... ему это совсем не нравилось. Хотя бы понять, что происходит, – уже было бы легче.

Грузовик с полчаса неторопливо выбирался из лабиринта улочек, а затем началась немилосердная тряска. На ухабах гремели ящики и подпрыгивали тюки. Водитель, похоже, не жалел ни машину, ни пассажиров с их грузом.

В замкнутом пространстве пропало чувство времени и расстояния, Степану уже казалось, что этот грохот и тряска будут вечными. А еще в животе лежал более чем обильный ужин, которому тоже было несладко в трясучке.

Один из попутчиков окинул Степана внимательным взглядом и вдруг протянул бутылку.

– Хлебни, погрейся.

– Спасибо, я пока не замерз, – отозвался Степан. – Не знаете, долго еще нам так трястись?

Собеседник безмятежно улыбнулся.

– Не думай о трудностях пути, думай о цели.

– Что, простите?

– Вспомни предков. Когда-то здесь проходил Великий шелковый путь. Почти тринадцать тысяч километров, и никаких тебе машин, никаких асфальтовых дорог. И люди шли, у них была цель.

– И что? – осторожно поинтересовался Степан.

– Теперь здесь тоже проходит Великий путь, и снова Самарканд в нем – ключевая точка.

Все повторяется.

– Ну да... – пробормотал Степан.

«Либо доморощенный философ, либо уже пьяный», – подумал он про себя.

И снова бесконечная тряска, гул двигателя, грохот ящиков. Стало закладывать уши – Степан понял, что машина идет по горной дороге. Вдруг она остановилась.

Степан поднялся и выглянул в крошечное окошко под потолком.

Действительно, горы. Скосив глаза, он увидел, что на дороге стоит всадник на невысоком лохматом жеребце, с автоматом Калашникова за спиной. Сейчас всадник о чем-то говорил с водителем.

– Не суетись, уже почти приехали, – сказал Степану недавний собеседник.

Это было правдой. Еще минут пятнадцать машина тряслась по дороге и потом остановилась окончательно.

* * *

Грохнула дверь, в фургон заглянул Амир.

– Живы-здоровы? – дежурно поинтересовался он. – Разгружайтесь.

Степан первый выпрыгнул из фургона. На улице бледнело утро, но после нескольких часов в темноте оно ослепило.

Машина стояла в широком дворе перед помпезным трехэтажным домом, похожим на игрушечный дворец. Двор окружал высоченный забор. С одной стороны поднимались горные вершины, с другой – блестело озеро, видимое через открытые ворота. Посреди двора журчал небольшой, но живописный фонтанчик.

Место было красивое и необычное. Больше всего удивляло, что, кроме этого дворца, в округе не было никаких других домов, построек, даже электрических столбов.

Чуть поодаль стоял еще один грузовик, рядом с которым суетились люди в полувоенной одежде. И все – при серьезном оружии. У них тоже были тюки и ящики, они таскали их куда-то в дом.

Кто-то помахал рукой спутникам Степана, кто-то даже радостно обнялся с Амиром. Похоже, все тут были свои. Кроме Степана.

А у крыльца дома прогуливались двое охранников в черной форме, у каждого был короткий автомат неизвестной Степану модели, очевидно, иностранный.

– Чего встал, помогай! – Амир хлопнул Степана по спине.

Груз заносили в дом через неприметную дверцу. За ней уходила во мрак крутая узкая лестница, она вела в подвальное помещение, обширное, но почти пустое. Здесь были сводчатые потолки, тусклый желтоватый свет давали две лампочки у дальней стены. Место выглядело зловещим, Степану в голову сразу пришло определение «пыточная».

Сюда же носили свои вещи незнакомцы из другой машины.

Выйдя во двор, Степан вдруг увидел на крыльце странного человека. Он был высоким, очень толстым, совершенно лысым. При этом лицо у него было детское, взгляд – бессмысленный, как у умственно отсталого. И даже губы испачканы чем-то вроде шоколада.

Человек был одет в халат из золотистой ткани, на пальцах блестели огромные перстни. И еще какая-то массивная золотая цапка висела на шее.

– Да не пялся ты! – процедил Амир. – Это сам Тимур.

– Что за Тимур? – тихо переспросил Степан.

– Тимур – самый сильный Привратник на тысячи километров вокруг. И, как ты понимаешь, он тут хозяин. Не зли его. Глаза в землю и не спорь.

– Да я и не спорю... Слушай, а где тут туалет?

– Уже приспичило?

– Ужин наружу просится, да еще и растрясло в дороге на славу...

– В туалет тебя не пустят. Выйди за ворота, обойди дом, там можно.

Морозить задницу не очень-то хотелось, но деваться некуда. Степан вытащил из рюкзака салфетки и отправился за дом.

Здесь был крутой откос, весь заваленный мусором. Настоящая свалка прямо под стенами «дворца». На мгновение показалось, что Степан угодил в средневековье.

Пристроившись у чахлого кустика, он вдруг заметил краем глаза какое-то движение сверху. Оказалось, с крыши дома за ним следит еще один охранник.

«Ну, посмотри, посмотри... – со злостью проговорил про себя Степан. – Когда еще такое увидишь...»

Он вернулся во двор со спокойным сердцем и чувством выполненного долга – живот больше не беспокоил, а значит, ничто не мешает переносить дальнейшие тяготы.

– Отдыхаем, парни, – объявил Амир. – Скоро подъедет еще группа, и тогда выдвигаемся вместе.

Степан присел на подножку грузовика.

«Привратник... – подумал он. – Интересно, что за ворота он охраняет? Границу с Таджикистаном? Контрабанда, наркотики? Боже, во что я вляпался?»

Во дворе вдруг показалась девушка в короткой расстегнутой дубленке с меховым воротником. Она остановилась у фонтанчика и принялась набирать воду в простые пластиковые бутылки.

Девушка была очень молодая, не больше восемнадцати, но поразительно красивая и изящная. Судя по чертам лица – из местных, узбечка или таджичка. Степан просто залюбовался.

Он вдруг заметил, что к нему быстро идет охранник от крыльца. Наставив на Степана палец, он быстро и сердито что-то заговорил по-узбекски, яростно шевеля бровями.

– Простите, я не понимаю... – растерялся Степан.

– Говорил же тебе, глаза в землю! – процедил Амир. – Он говорит, чтобы ты не пялился на жен хозяина.

– Понял... – смутился Степан, опуская взгляд.

Охранник ушел. Следующий час Степан маялся бездельем, боясь посмотреть вокруг. Черт их всех знает – как себя вести, чтобы никого не обидеть? Может, просто встать лицом к забору и положить руки на затылок?

За воротами просигналила машина. Прибыл еще один грузовик – пыльный «Урал» военного образца. Снова из фургона выбрались люди в камуфляже, снова появились тюки и ящики.

Один из приехавших подошел к Амиру, протянул руку.

– Здорово, Расул, – кивнул Амир. – Чего везешь?

– Разное... – таинственно улыбнулся Расул. – Сотня дел, сто дорог – всего понемножку.

У него были черные курчавые волосы, перебитый нос и внимательные, постоянно прищуренные глаза. Казалось, этот человек всякую минуту ждет подвоха. Рука его лежала на ствольной коробке укороченного автомата Калашникова. Степану он не слишком понравился – люди подобного типа вызывали у него подсознательное недоверие.

– Пойдем поболтаем, – сказал Амир.

Расул бросил быстрый взгляд на Степана, на его гражданскую туристическую одежду, на прислоненное к машине древнее ружье. Кажется, он даже презрительно усмехнулся.

«Ну и черт с вами, – сердито подумал Степан. – У вас свои дела, у меня – свои».

Наконец завершилась суэта с грузами, закончились разговоры «за встречу».

– Подымаемся, братцы! – объявил Амир. – Пора в дорогу.

И, к искреннему удивлению Степана, указал на дверь подвала.

* * *

В подвале собрались все приехавшие. Всего около двадцати человек. Здесь же были грузы – целая гора непонятного барахла.

Степан осторожным взглядом пробежался по лицам. Люди выглядели серьезно, сосредоточенно. Кто-то сдержанно переговаривался. Никаких шуток. Интересно, в какой путь они собрались из подвала? А может, сейчас откроется невидимая дверь и подъедет поезд метро по тайному тоннелю?

Разговоры затихли – в подвале появился Тимур. Он шел и одновременно что-то ел – пирожное или кусок торта. Крошки сыпались на золоченый халат.

Степан не выдержал и посмотрел на его лицо. Тимур почему-то болезненно морщился, словно его мучила зубная боль. Казалось, еще секунда – и он заплачет.

Он прошел в дальний конец комнаты, сел на перевернутый ящик под лампами. И через секунду... действительно заплакал!

Сначала просто всхлипывал, закрывая лицо жирными ладошками, потом тихонько заныл, начал раскачиваться из стороны в сторону.

Под сводчатым потолком металось эхо его рыданий. Все это выглядело жутковато, как в дурном сне, по коже побежали мурашки. Степан растерянно оглядывался, он искал объяснение, но его не было. Люди вокруг просто стояли, опустив головы.

Тем временем накал рыданий нарастал, Тимур уже натурально выл, его звенящий голос, отражаясь от стен, неприятно бил по ушам.

Происходило что-то странное: заложило уши, конечности внезапно ослабели, перед глазами поплыли зеленые пятна.

А потом над головой замерцал свет – какой-то дрожащий, стылый, совершенно неуместный здесь, в душном узбекском подвале. Степан удивленно поднял голову – ему казалось, что никаких ламп на потолке не было и в помине...

Ламп действительно не было. Но не было и потолка – над головой болталось округлое светлое пятно, будто подсвеченная сбоку тонкая ткань или облако пара, вроде того, что пус-

кают музыканты на сцене. Пятно медленно опускалось, и Степан напрягся – чем оно было ближе, тем тверже казалось. Может, это ловушка, может, их всех сейчас просто раздавит – под зауспокойные вопли Тимура? Но никто не волновался, не кричал, не пытался бежать...

И в этот миг опускающееся сверху нечто коснулось макушки Степана. Ощущение было непривычным, похожим скорее на дуновение холодного ветра, чем на прикосновение к чему-то материальному, Степан даже справился с позывом втянуть голову в плечи. Светящаяся плоскость ползла вниз, дошла до бровей, скользнула по глазам – и Степан вскрикнул от неожиданности. Его голова оказалась в другом мире! Он увидел деревья, стоящие в сугробах, затянутое светло-серыми облаками зимнее небо. А вокруг – опускающееся черное нечто, из которого словно прорастали человеческие макушки. Люди вертели головами, оглядывались, перемигивались, кивали друг другу, а чернота опускалась, уходила в снег, освобождала людей.

И лишь из-под ног, из остатков тьмы, по ушам продолжал хлестать леденящий душу вой странного человека Тимура.

– Да что происходит?! – воскликнул Степан, хватаясь за голову.

– Заткнись! – прорычал Амир и отвесил ему подзатыльник – довольно болезненный и обидный. – Глупый русский! Не дергайся в проходе!

Степан хотел что-то ответить, отреагировать – но не смог.

Он вдруг понял, что сидит по пояс в снегу. А вокруг громоздятся мощные стволы деревьев, нависают тяжелые ветви с длинными иголками. Мороз обжигал щеки.

Стены подвала исчезли. Только вой еще слышался, но уже совсем тихо.

– Цел? – Амир потряс его за плечо.

Степан изумленно огляделся. Он действительно был в лесу, сидел, утопая в глубоком сугробе. И все остальные были здесь, они ковырялись в снегу, как мухи в варенье. И тюки с ящиками беспорядочно валялись вокруг.

Не было только Тимура.

– Что случилось? Где я? – пробормотал Степан.

– Ты на месте. И добро пожаловать в Центр. Слава Аллаху, все получилось.

* * *

Холод был жуткий, даже дышать больно. Степан затянул капюшон, поднял шторку, закрывающую лицо. Стало немного легче.

Эх, хотел же купить лыжную шапку-маску с дырками для глаз, да так и не купил...

Нашел свой рюкзак и ружье, прицепил на ноги пластиковые снегоступы. Поклажа была тяжеловата, не зря Амир советовал побольше выкинуть. Но теперь уж придется потерпеть.

Попутчики были погружены в дела. Многие утеплялись, заматывались в шарфы и доставали толстые рукавицы. Откуда-то появились широкие промысловые лыжи, бруссы, и теперь ящики с их помощью превращались в сани. На «сани» привязывали тюки и другие ящики, поменьше.

То и дело слышались щелчки автоматных и пистолетных затворов. Степан, поразмыслив, тоже загнал патрон в ствол ружья. Хоть и не знал, зачем и для кого.

– Не продувает? – Амир пощупал материал дорожной пуховой куртки «Marmot», выпускаемой для полярников и альпинистов.

– Пока нормально.

– Три дня на холоде, думаю, выдержит. А больше и не надо.

– Кто?

– Да одежда твоя – дрянь! Одноразовая она, вот что.

«Ничего себе!» – с возмущением подумал Степан. Он хотел даже возразить и намекнуть на цену этой «дряни», но вдруг вспомнил наставления Бориса насчет натуральных материалов.

– Амир, где мы?

– Так в Центруме же!

– Я понимаю, что в Центруме. Брат писал про какой-то Центрум. Я думал, может, это слово кодовое? Где этот Центрум и как я тут оказался?

– Где... – Амир ухмыльнулся. – Далеко! У брата и спрашивай, а я тебе не гид-экскурсовод. Иди помаленьку, а мозги мне не сверли, ясно?

Он отвернулся и пошел было дальше, но вдруг остановился.

– Вот что... Ты Расула видел уже. Он с братвой тоже в Хеленгар идет. Но ты с ними не вяжись, у них всегда свои дела.

– Ладно, понял. А зачем мне к нему вязаться? Разве мы с тобой не вместе пойдем?

– Пока – вместе... А там – мало ли, как сложится.

Хеленгар... Это слово тоже было знакомым, Борька упоминал его в записях. Надо бы перечитать еще раз. Только не сейчас, не на морозе.

И еще было жалко навигатор, оставленный в Самарканде. Стоило проявить упрямство и не отдавать. Сейчас бы включил – и никаких вопросов «где, что...».

Наконец тронулись. Степан был этому рад, поскольку холод уже начал пробираться сквозь слои одежды и термобелья к телу. Следовало двигаться.

Из всей группы только он да еще двое несли рюкзаки. Остальные впряглись в импровизированные сани. Некоторые по одному, другие – по двое. Получалось у них хорошо, темп ходьбы сразу взяли бодрый. И даже кусачий мороз вроде начал отступать.

Первые полчаса Степан шагал очень даже энергично. Даже успевал разглядывать окрестности. Лес был странный: ничего похожего Степан не видел ни в жизни, ни на экране телевизора. Деревья – все как одно – мощные, высоченные, с грубой рельефной корой. Иглы на ветвях – сантиметров по пятнадцать – двадцать. И не кедры, и не сосны – что-то непонятное.

Кустарника почти не попадалось. Впрочем, он, наверно, весь остался под глубоким снегом. Иногда между большими деревьями тянулся вверх тонкий ствол с необычайно густыми спутанными ветками на верхушке – эдакий трехметровый «одуванчик». Попадались следы – то ли лисьи, то ли заячьи.

Потом Степан вдруг понял, что силы как-то слишком быстро кончаются. И стало не до пейзажей. Идти через заснеженный лес оказалось делом утомительным. Снегоступы помогали не проваливаться в снег, но легкости шага не прибавляли.

– Дыши правильно, – отрывисто сказал ему Амир. – И шагай правильно. Представь, что гайки на конвейере закручиваешь, долго, целый день, одну за другой. Так и шагай. Привалы будут, но короткие. До ночевки надо сегодня дойти, а то в лесу так и останемся.

Лес был однообразным и бесконечным. Степан так и не понял, кто ведет группу и как он определяет правильное направление. Впрочем, думать об этом было незачем. Следовало полагаться на других и экономить силы.

Он взмок от ходьбы, а затем начал замерзать. Холод лез в рукава и сапоги, расползаясь дальше по телу. Рюкзак тянул назад, словно хотел опрокинуть.

– Куда идем-то, Амир? – не выдержал он.

– К поездам. Удачно сядем – быстро доедем. Там будет тепло.

Сверху раздавался какой-то шум и хлопки, и Степан нашел силы задрать голову. У верхушек деревьев он заметил большую черную птицу. Она перелетала с ветки на ветку, следуя точно за группой.

Вслед за Степаном на нее посмотрели другие. Кто-то остановился, бросил упряжку, нацелился вверх из автомата. Грохнул выстрел, разлетелись в сторону перья, и тушка звучно ударилась о снег.

– Как в копеечку! Молодец! Снайпер! – радостно загомонили мужики.

Двинулись дальше. Степан успел разглядеть застреленную птицу. Она была массивная, с мощными когтями. Клюв у нее был крючком, как у попугая. Попробуй пойми, что за порода...

Наконец привал. Мужики побросали свои упряжки и принялись деловито собирать сухие ветки, которых тут хватало. Брызнули жидкостью из стеклянного флакона, чиркнули спичкой – огонь очень нехотя занялся.

Степан вместе со всеми подтаскивал ветки, хотя тело требовало скорей сесть к огню. Костер наконец разгорелся, стал давать необходимый жар.

Тут же появился котелок, в котором растопили снег, затем заварили густой ароматный чай.

– Подставляйте кружки.

Степан протянул свою – новенькую, из блестящей нержавейки, с ручкой-карабином, который так удобно цеплять за петли на рюкзаке.

Кто-то пустил по кругу пакет с сухарями. Это оказалось очень кстати.

К Степану подсел Расул, все так же разглядывая его сквозь прищуренные глаза.

– Хорошая кружка, – похвалил он. – Дорогая?

– Не особо, – пожал плечами Степан, удивляясь интересу к такой ерунде.

– Ты первый раз вроде?

– Так заметно?

– Заметно, – сдержанно кивнул Расул. – Неприспособленный ты какой-то.

– Это почему? – почти обиделся Степан.

Расул пощупал пальцами его куртку.

– Тоже дорогая? И зря. Здесь, на морозе, твоя кацавейка недельку, может, и продержится. А внизу, на жаре, за день сгниет.

– Почему?

– Воздух такой. Вся синтетика дохнет. Тебя даже про это не предупредили?

– Вроде предупредили, но... – Степан снова вспомнил: в записке брата несколько раз говорилось «никакой пластмассы». Но он не смог принять это буквально. Что значит «никакой пластмассы»? Как можно в современном мире хоть шаг пройти и обойтись без пластмассы?

– Да не переживай, – тихо рассмеялся Расул. – До поездов успеешь дойти. Куда путь держишь? Просто счастья ищешь или по торговым делам?

– Эй, Расул! – крикнул Амир. – Отстань от парня, дай в себя прийти.

– Да я так, поговорить... – махнул рукой Расул, но тут же отошел к своим.

Жар от костра разморил, захотелось подремать. Но в спину дышал холод. Степан понимал, что расслабляться рано.

– Подъем! – объявил кто-то решительным тоном.

Мужики разочарованно загудели, но спорить никто не стал. Время – жизнь. Без лишней спешки нацепили рюкзаки, подтянули ремни «саней», застегнулись плотнее, размяли плечи.

Степан наклонился, чтобы поправить застежки на сапогах и выковырнуть набившийся снег... и так и остался согнутым пополам.

Раздался резкий свист, словно кто-то замахнулся пастушьим кнутом. Затем – щелчок, хруст и чей-то душераздирающий вопль, резко оборвавшийся.

Степан упал на колени, затем лег, вжавшись в снег. Первое, что он увидел, – одного из людей Расула. Тот неподвижно, с остекленевшими глазами полулежал у толстого древесного ствола. На стволе краснело громадное кровавое пятно, конечности несчастного были неестественно вывернуты.

Захлопали выстрелы, закричали люди.

«Правее, правее, на два часа! Держать периметр!»

Снова свист, щелчок, но на этот раз вхолостую. Выстрелы стали чаще – стреляли короткими очередями. Степан схватил ружье, откатился за ближайшие «сани».

Он водил стволом, целясь за пределы импровизированного лагеря, но ничего не видел – только слепящую белизну снега и осточертевшие хвойные деревья.

Где-то за ними пряталась неведомая смерть.

Степан вдруг увидел Амира – тот двигался боком, по-крабьи, хищно всматриваясь в сторону леса и быстро водя стволом автомата из стороны в сторону. Он тоже искал врага, но не видел его.

– Уходить надо! – закричал кто-то. – Они больше не нападут.

Амир выдвинулся чуть вперед, выйдя за условную границу лагеря. В следующий момент у Степана сердце упало в пятки. Он снова услышал свист, щелчок – и на том месте, где только что стоял Амир, взметнулось облако снежинок. Оно тут же осело, но Амира там уже не было. Только автомат лежал на снегу. И еще маленькое алое пятнышко.

Степан вдруг заметил что-то необычное – сугроб впереди вроде как шевелился. Шевеление было не особо отчетливое – так перекатываются песчинки на дне родника.

Ствол ружья смотрел точно на этот «родник». Совершенно не думая, Степан нажал на спуск. Глаза застелило облачко порохового дыма, а когда оно рассеялось, всякое движение впереди исчезло. Степан так и не понял, куда он стрелял.

Его выстрел оказался последним. Суета и стрельба прекратились, все просто стояли, продолжая наблюдать за лесом.

– Эй! – закричал Степан. – Амира утащили! Что вы стоите?

Он вскочил и подбежал к Расулу.

– Ты видел?! Амир исчез!

– Видел, – буднично ответил Расул. – Исчез, да. Значит, забудь.

– Как это «забудь»?! – возмутился Степан. – Он же где-то рядом, надо просто пройти по следам, поискать!

Расул развернулся к Степану, сжал губы.

– А ты пройди поищи. Как найдешь – нас догоняй.

– Но... – растерялся Степан. – Я не смогу один.

– Амир твой давно в берлоге с переломанной спиной. Им уже обедают. Ты там вряд ли нужен.

Степан вдруг увидел, что двое грабят труп, оставшийся под деревом, – снимают подсумки с патронами, шарят в карманах.

– И его оставите?

– Нужен? Забирай с собой.

– Но разве так можно?.. Я не знаю, но...

– А я знаю. Губастики охотятся семьями. Папа с мамой и два-три детеныша. При этом держат территорию в сотню квадратных километров. Двух покойников им хватит, чтобы питаться день или два. Дальше можем идти спокойно, ясно тебе?

– Что еще за губастики?

– Твари лохматые, с медведя ростом. Нижняя губа у них свернута под верхней, длиной – метра три, а то и пять. Как хобот у слона. Вот так лежат на снежочке, и не видно их. А подойдешь чуть ближе – губой хлоп! Вроде как лягушки или ящерицы, видел?

– Господи... – пробормотал Степан. У него поджилки тряслись от таких подробностей.

– Говорил я – неприспособленный ты.

Расул осторожно, оглядываясь, подошел к автомату Амира, поднял и протянул Степану.

– Твой теперь будет. Патронов дадим. Ну что, поможешь?

Он кивнул на свой караван – четверо хорошо груженных «саней». Один из «бурлаков» остался без напарника. Остальные обсуждали, как перераспределить груз, чтобы продолжать путь.

– Да помогу... – пожал плечами Степан. – Только можно я рюкзак на ваши «сани» положу? А то всю спину оттянул.

– Можно, можно...

* * *

Роль гужевого транспорта Степану понравилась еще меньше, чем просто пешая прогулка в снегоступах.

Тут была целая технология. Местный снег почему-то не способствовал планомерному скольжению. Просто так тянуть груз было тяжело и неудобно. Ремень следовало дернуть, чтобы увесистые «сани» покатались по инерции. В момент, когда они останавливаются, – снова дернуть. И так – до бесконечности. При этом действовать нужно строго синхронно с напарником, иначе сбивался ритм движения.

Постепенно Степан приноровился, но к этому времени здорово выбился из сил.

Его не покидали гнетущие мысли. Он не был готов, что группа может вот так просто скормить двух товарищей окружающей среде, отдать в жертву лесу, чтобы спокойно продолжить путь.

А потом он кое-что вспомнил. Как-то был в гостях и познакомился с немолодым спортсменом-альпинистом.

Тот рассказывал, что и в горах случается примерно такое же. Если погода дрянь и спасателей не дождешься – погибших, поломавшихся или просто замерзающих не тащат с собой, их оставляют на месте. И не потому, что плохие или черствые люди ходят в горы. А лишь оттого, что один выбывший из строя товарищ может погубить всю группу, если переключить на него силы и внимание.

Ничем ты не поможешь ослабевшему другу, если у самого от усталости трясутся руки и подламываются ноги. На вершинах, где жуткий холод и мало кислорода, человек сражается только за себя, ползет вперед, упрямо, бездумно, словно тупое насекомое. Там – все по-другому. Каждая потерянная крупница сил может стоить жизни.

В тот раз Степан не очень-то поверил альпинисту. Думал, тот просто нагоняет страху.

Теперь – верил.

Очередной привал был праздником жизни. Снова – жаркий костер, котелок, чай, хлеб с разогретой тушенкой.

– Как сам? – поинтересовался Расул.

– Ползаю пока, – кисло усмехнулся Степан.

– Ползай, ползай... Скоро из леса выйдем – там полегче. Снег плотный, ветром приглаженный. Можно без снегоступов. До темноты ночлег найдем. А завтра – всего полдня пути останется. Сядем на поезд – считай, дело сделано.

Слово «поезд» дохнуло сонным теплом. Полжизни можно отдать, лишь бы прямо сейчас оказаться в теплом купе, наслаждаться отдыхом, слушать стук колес и никуда не идти, не тянуть тяжелый груз, не бороться за каждый метр пути.

– У тебя золото осталось? – деликатно поинтересовался Расул.

– Есть кое-что.

– Это хорошо. Машинисты бесплатно тебя не возьмут.

– А ночевать где будем?

– Не волнуйся, найдем.

Степан все же волновался. Он не хотел ночевать среди леса или поля, где холод только и ждет момента, чтобы вонзить в тебя ледяные зубы.

Хоть бы какие-нибудь четыре стены да крышу. И печку обязательно.

– А где остальные? – спохватился вдруг Степан, оглядевшись.

– Какие остальные?

– Остальные. Нас же больше было в два раза.

– Ну ты даешь! – Расул от души рассмеялся. – Они уже час как от нас отвернули. Им же в Краймар, а нам – в Хеленгар. Разошлись пути-дорожки.

– Ясно...

Степан, конечно, вспомнил предупреждение Амира – не связывайся, мол, с Расулом и его группой.

Но сейчас значения не придавал. Выхода не было. Есть люди, которые приведут тебя к цели, при этом накормят и, возможно, защитят. О чем еще беспокоиться?

И снова в путь. На налитых свинцом ногах, с одеревеневшей спиной, в пропотевших сапогах – тянуть лямку. Автомат болтался на животе увесистым маятником, однако Степан решил с ним не расставаться, не откладывать в обоз.

Действительно, лес поредел и скоро кончился. На пути лежала снежная равнина, из которой тут и там торчали ледяные глыбы. Здесь было ветрено.

Прямо от кромки леса спускался довольно крутой скат, усеянный крупными ледышками. Степан остановился на верхушке, вглядываясь в неровную линию горизонта.

Он никак не мог разобрать – что там впереди? Если облака, то почему такие темные и неподвижные? Если горы, то почему такой странной формы?

– Это Огранд, самый старый город в этих местах, – сказал подошедший сзади Расул. – Когда-то здесь было тепло, и тут жили люди. Очень давно. Теперь он совсем мертвый.

– Так эти громады – дома?

– Конечно. А вот это, – он указал на ледяную пустыню, – было озеро.

– Но они же просто огромные! Я думал, это скалы.

– Так и есть, огромные дома. Тут все огромное – дома, реки, расстояния, дороги. Но мы туда не пойдем, плохое место. Да и опасно – на пути пористые льды. Не так наступишь – и улетишь вниз на километр, пикнуть не успеешь. Мы вдоль леса двинемся.

Появились мотки веревок, «бурлаки» готовились спускать груз по откосу.

– За каждый ящик головой отвечаете! – сурово объявил Расул.

Степан включился в работу. Она была не очень сложная – просто подстраховывать товарищей, которые на своих руках метр за метром стравливали веревки, опуская ящики с горки.

Спуститься на своих ногах здесь было бы не очень сложно, а вот поклажа – она здорово добавила проблем.

– Берегись! – истошно закричал кто-то.

Один из парней не удержался и свалился с откоса, отпустив веревку. Второй не успел ее поймать.

Человек катился вниз – а впереди подпрыгивал на ледышках зеленый фанерный ящик, судя по всему, тяжелый. В конце пути он, разогнавшись, особенно высоко подпрыгнул и со всего маху хрястнулся о ледяной валун, разлетевшись на куски.

Степан пригляделся: на снегу среди фанерных обломков лежали два артиллерийских снаряда! Он были какие-то непростые, с желтыми боками, непонятными мелкими деталями. Словно две маленькие космические ракеты. Странно, что не рванули...

«Так и есть – контрабандисты, – смиренно подумал Степан. – И похоже, серьезные, не мелочь какая-то».

– Болваны! – заорал Расул. – Держи конец!

Он хлопнул Степана по спине, а сам, схватившись за веревку, начал торопливо спускаться с кручи.

Внизу он рывком схватил оплошавшего соратника за шиворот.

– Расул, прости, я не виноват!

Расул с размаху врезал товарищу в скулу, тот упал, беспомощно взмахнув руками. Не успел встать, последовал второй удар. Потом – еще, ногой по ребрам.

– Чертов выродок! Рук нет? Ты знаешь, сколько мне это стоило?!

Все стояли и глядели, не смея вмешиваться. Расул наконец остановился.

– Ящик собрать, груз уложить! Если не получится – стягивайте веревками, ремнями, да хоть соплями! На все про все – пятнадцать минут, иначе шкуру спущу.

Он вдруг обернулся и нацелил взгляд наверх, туда, где неподвижно стоял Степан с веревкой.

Взгляд был нехороший. Степан поспешно отвернулся, стараясь выглядеть равнодушным. Мол, ваши грузы – ваши проблемы, мне неинтересно.

* * *

Идти по ледяной равнине оказалось и впрямь гораздо легче. Лыжи отлично скользили, ноги не проваливались. Правда, здесь был ветер, который выстуживал спину. Но, слава богу, он дул не в лицо.

По капюшону начала стучать снежная крошка, прозрачный воздух заметно помутнел.

– Шевелитесь, бараны! – кричал Расул. – Не хватало только в пурге застрять под ночь!

Потом случилось еще одно маленькое происшествие – кто-то из «бурлаков» по неловкости оборвал ремень, которым тянул «сани». Это стоило ему пары внушительных зуботычин от Расула. И десяти минут времени, потерянного группой.

Это событие Степан смог пропустить уже мимо сердца, а не через сердце. В нем сейчас жила мысль, что он здесь – глупенький новичок. И случись что, ему простят, отнесутся со снисхождением.

Снежок по-прежнему тихо шел, закрывая окрестности мутным покрывалом, однако ветер не усиливался – стало быть, обещанная пурга не грозила. Но небо темнело, приближалась ночь.

По каравану вдруг пронесся оживленный говор, и по отдельным выкрикам Степан понял – пришли к месту ночевки. Впереди смутно виднелось некое сооружение, впрочем, на уютную гостиницу оно мало походило. Просто какая-то развалина, присыпанная снегом.

– Не расслабляться! – прокричал Расул. – Прибавить ходу! Готовьтесь дрова носить!

Наконец пришли. Действительно – развалина, без крыши, почти без стен. Степан горестно вздохнул – он рассчитывал на более основательное убежище.

Но немедленно появились две саперные лопатки, и попутчики принялись ковырять снег у подножия стены.

По всему выходило, что место для всех знакомое. И не впервые тут организуется ночлег.

– Чего стоим! – командовал Расул. – Все, кто свободен, – за дровами.

Несколько мужиков бросили упряжки и скрылись в снежной пелене. Степану не хотелось быть пустым балластом, поэтому он устремился за ними.

Оказалось, посреди ледяной равнины есть островок, заросший деревьями. Недалеко, всего метрах в трехстах.

Сухих веток тут хватало. Попутчики достали веревки, длинные ножи вроде мачете, принялись рубить ветки и делать вязанки. Степану оставалось только таскать эти вязанки к развалине, там их забирали и затаскивали внутрь – в узкий коридор, выкопанный в снегу.

Как-то получилось, что последнюю вязанку Степан тащил один – все «лесорубы» закончили дело и ушли в укрытие.

Он подошел к снежному проходу у стены, бросил нарубленные ветки на снег и остановился – хотелось отдышаться.

Оказалось, возле входа в убежище его ждал Расул.

– Тихо! – сказал он. – Слышишь?

Степан прислушался. И действительно, где-то далеко слышалось непонятное «И-и-и-и».

– Паровозы гудят, – сказал Расул. – Осталось идти всего ничего. Держись, боец, скоро отдохнем.

– Держусь, куда ж деваться...

– Ну, пошли греться.

Прорубленный в снегу ход вел в подвал. Там были все четыре стены и крыша. И даже простенькая печка с трубой. В ней уже вовсю горел огонь, было тепло.

Дверь имелась вполне основательная, хоть и кустарная. Даже тряпками обили по периметру для уплотнения. Нет, это место точно не случайное.

Степан просто сполз по стенке. Он поспешно расстегнул куртку, открывая тело для печного жара.

– Не спать! – рассмеялся Расул. – Еще ужин будет.

В печке трещал огонь, в котелке грелась каша, в которую щедро добавляли мясо из консервных банок. В маленьком подвальном помещении стоял сводящий с ума запах еды.

Было тесно и шумно, все гомонили, смеялись. Степан понимал – люди праздновали день, который они пережили. День-подвиг. Правда, про погибших товарищей не вспоминали, ну что ж... На похоронах после третьей рюмки зачастую шутят и смеются – жизнь-то продолжается.

Появилась литровая бутылка водки без этикетки.

– Пей. – Расул протянул бутылку Степану.

– Да не стоит.

– Пей, говорю. Мороз из тебя сегодня полжизни вытянул, а теперь согреешься. Все пьют.

Степан подставил свою кружку с ручкой-карабином. Пойло было мерзким – не водка, а скорее слегка разбавленный спирт. Первый же глоток чуть не вылетел обратно.

Но действительно, под кожей растеклось долгожданное тепло. Потом раздали кашу, и снова Расул протянул бутылку.

– Пей, так надо.

– Да хватит, думаю...

Степан вдруг заметил крупную некрасивую язву на его запястье. Уловив этот взгляд, Расул невольно натянул рукав. Впрочем, никакого значения для Степана это сейчас не имело.

– Если хочешь завтра дойти – пей. Мы знаем, что делаем. Не в первый раз.

Он говорил так просто и убедительно, что трудно было возражать. Тем временем по рукам пошла вторая бутылка.

– Эта земля, эта погода – они силу из человека высасывают, саму жизнь. Спирт – он твою силу как бы консервирует.

Настроение стало шальным, приподнятым, люди – симпатичными, чуть ли не родными. Все возбужденно переговаривались, обменивались какими-то своими шутками, и Степан смеялся вместе со всеми, хотя мало что понимал.

– Пей, брат! – Расул плескал новую порцию в блестящую кружку. – Молодец, все выдержал. Крепкий человек.

Все сильнее ощущалась усталость, придавливала к полу, мешала даже прямо держать голову. Степан уже свернул под боком куртку, прилег на нее, как на подушку, прикрыл глаза. Сквозь полудрему слышались голоса и смех, треск пламени в печке... Было хорошо, уютно и спокойно, хотя в ушах еще стоял скрип снега, в лицо била снежная крошка, мороз впивался в лицо, а ременная лямка резала плечи...

* * *

...Степан проснулся от холода.

– Дверь закройте, – пробормотал он, затем пошевелился – и вдруг едва не взвыл от неожиданной боли в висках.

Он с трудом разлепил глаза. И с изумлением понял, что находится один в пустой комнате. Ни людей, ни вещей.

Чуть дымила печка, неплотно закрытая дверь хлопала в проеме. Помещение наполнял мороз.

Степан вскочил, и снова приступ боли в голове заставил пошатнуться. Он оглянулся.

Действительно, никого и ничего. Даже его вещей нет – ни куртки, ни рюкзака.

Он бросился к двери и выглянул на улицу – наверняка ведь все уже собрались в путь и просто ждут, когда он проснется...

Мороз вцепился в лицо острыми клещами. Но за дверью было пусто. На снегу – множество следов и какой-то мусор. Стояла тишина.

Степан поспешно закрыл дверь. Снова лихорадочно повел по сторонам взглядом, чувствуя, как внутри нарастает тревога.

Стоп... а это что?

В углу стояло его ружье. А рядом на плоском камне – единственный патрон.

И еще здесь была его стальная кружка с ручкой-карабином, почему-то прикрытая какой-то щепкой.

Степан заглянул в кружку, и его едва не вывернуло от резкого запаха. Внутри было вчерашнее пойло.

Он вдруг схватился за пояс, где еще вчера висел кожаный футляр с остатками его золотого запаса. Сейчас там ничего не было... Вообще ничего, даже ножа. Уцелел разве что нагрудный кошелек с записями Бориса, но какой от них сейчас прок?

Степан без сил опустился на пол. «Спокойно, только без паники...»

Холод в комнате становился все гуще, все злее. Степан придвинулся было к печке, но она практически остыла. Лишь несколько углей испускали прозрачные ниточки дыма.

«Что же я сижу!»

Степан быстро поднялся, собрал с пола мелкие обломки сучьев и запихнул их в печку. Затем осторожно плеснул туда спиртное из кружки.

Ничего не произошло. Разве что дым вообще перестал идти.

«Еще полчаса, и здесь будет холод, как на улице», – пронеслось в голове.

Нужно было срочно что-то делать, придумывать. Степан попробовал отжиматься от пола, присесть, чтобы разогреться, но без толку. Не говоря о том, что голова отзывалась на эти усилия новыми волнами боли.

...Думай, думай! Изобретай!

Взгляд снова упал на ружье. Вдруг Степана пробил нервный смех.

А ведь действительно, все ясно и наглядно. Последний патрон и последний глоток водки напоследок. «Вот тебе мыло душистое и веревка пушистая».

Да, можно все решить сразу. Или, если хочешь, замерзай тут один. Говорят, смерть от холода – она сладкая. В последние минуты хорошо становится, галлюцинации красивые приходят, словно ты в тепле, в раю. Вроде даже у Андерсена в «Девочке со спичками» это описано.

Он взял ружье, покрутил перед глазами патрон.

«Черта с два я сдамся. Буду бороться».

С трудом Степан поборол искушение просто взять и выстрелить в печку. Толк от этого вряд ли будет, скоротечного пламени не хватит поджечь щепки, только разлетится все.

Он пошел сложным путем. Пошарил в мусоре на полу, нашел жестяную крышку от консервов. Потом выбрал два удобных камня, которых тут валялось немало. После недолгих усилий создал из крышки что-то вроде шила.

Этим «шилом» он смог разобрать патрон и даже выковырнуть капсюль.

Дело оставалось за малым – нанести правильный удар. Степан собрал мелкие щепки в шалашик, присыпал порохом, сделал из него дорожку, на край которой положил капсюль. Достал первый лист с записями Бориса, порвал на мелкие-мелкие полоски, сделав отличную растопку.

Затем взвесил на руке камень.

Ну, была не была...

Хотя руки уже задеревенели от холода и дрожали, удар удался! Капсюль хлопнул, порох зашипел – и вспыхнул. Через секунду язычки пламени облизали бумагу и щепки.

Теперь – только осторожность. Стараясь не дышать, Степан начал переносить щепочки в печку. Вспыхнуло неожиданно хорошо – видимо, пары спирта сработали.

Наконец телу досталось тепло. Степан, не расслабляясь, стребал с пола все, что могло гореть, – щепки, бумажки, обрывки пакетов.

Через пару минут он перестал дрожать. И мозги заработали лучше.

Нужно было выйти на улицу – там тоже валялись обломки веток. Кстати, и ружье стоило бы разобрать – деревянный приклад должен хорошо гореть. Еще надо растопить снега – отравленный спиртным организм требовал воды. И вообще выпить горячего сейчас совсем не вредно...

Экспедиция на улицу за новой партией топлива повергла Степана в уныние. Без верхней одежды он выдержал там не больше минуты. Свитер и теплый полукомбинезон не спасали.

Мороз был просто убийственный, он моментально выстудил тело и заставил трястись. Даже рот было страшно открыть – казалось, зубы от холода начнут трескаться.

Удалось собрать кое-каких дров, но совсем немного. Пришлось скорей возвращаться к печке, отогреваться, бросать в нее непослушными трясущимися руками ветки и куски коры.

Все сгорало пугающе быстро. Приклад ружья Степан решил приберечь на потом, как последний резерв.

Едва перестав трястись, снова выскочил на улицу. Собранные ветки уместились в пучок размером с обычный веник. И сгорит эта мелочь очень быстро...

Ничего, главное сейчас – прогреть помещение.

Степан задумался о том островке, куда вчера ходил за дровами. Уж там-то веток и обломков было достаточно, прямо на снегу валяются, и большие, и маленькие.

Триста метров в один конец, без одежды... Допустим, бегом можно добраться за минуту. Хотя по снегу – вряд ли. Обратно, с грузом, – больше. И еще какое-то время собирать дрова – никак не меньше минуты.

Без куртки, без шапки можно вымерзнуть так, что уши захрустят и отвалятся. А уж заболеть – раз плюнуть. Воспаление легких было бы заключительным актом этой грустной пьесы.

Думай, думай!

В кружке еще оставалась водка. Можно сделать глоток, придя с мороза, – поможет быстро согреться. Или растереться? Или лучше простой кипяток?

А что дальше? Так и мотаться на островок, пока ноги не отвалятся от усталости и голода?

Нужно решать проблему радикально, потому что шанс дожидаться тут еще каких-то людей – ничтожен.

Ветки прогорали. Вздохнув, Степан положил в печку половинку ружья. Лак на прикладе тихо затрещал, соприкоснувшись с углями.

Начали приходить какие-то мысли, но все они были глупыми, можно сказать – бредовыми.

Например, Степан обдумывал, можно ли сообразить что-то вроде одежды из хвойных веток.

Потом вдруг пришла идея – набрать на островке длинных веток и связать сани. На них уложить камни и разжечь костер. И дров запастись. Получится передвижная печка-грелка.

Можно будет тащить сани, а когда мороз становится невыносимым – греться у печки, подкармливая ее ветками.

Степан даже вскочил и попытался угольком на стене изобразить чертеж всей этой конструкции, но тут же с досадой махнул рукой – глупость это, идиотизм чистой воды. Нереально... Ведь неизвестно даже, куда ему идти.

Приклад ружья и в самом деле хорошо горел. Пожалуй, минут двадцать тепла он даст. А это – двадцать минут жизни.

Степан собрался с духом и снова выскочил на улицу в поисках топлива. Увы, теперь он собрал совсем жалкую горстку щепочек. Не стоило и морозиться ради этого.

Печка горела все слабее. И Степан уже физически ощущал, как отступивший было холод вновь подкрадывается, смыкает захват, из которого нет выхода, только смерть.

Неужели совсем нет выхода?

Степан все ближе двигался к печке, а на мозги давили мысли, от которых хотелось выть. Все меньше тепла, все меньше времени, все ближе ледяное дыхание с улицы. И самое страшное – ничего с этим нельзя поделать, ровным счетом ничего. Только ждать смерти.

«Суки, – шептал Степан. – За что? Разве кого-то обидел или не то сказал? Нельзя же так, по-изуверски...»

Он понимал, что его просто использовали. Поставили в упряжку на самом трудном участке пути. А как идти осталось немного – бросили.

Но почему? Лишний свидетель, чужой человек? А что он такого видел? Те самые снаряды в ящиках? Да плевать Степан на них хотел, он к брату шел.

Хотелось плакать от досады и бессилия. Даже особой злости не было на Расула и его людей – у них свои резоны. Ничего личного, как говорится...

Печка больше не горела, только светились угли. Степан согревал около них руки, а спиной уже чувствовал холод. Скоро он займет всю эту небольшую комнатку, станет здесь хозяином. И поглотит маленького беспомощного человечка, превратив его в часть себя – в мертвую холодную ледышку.

Это несправедливо. Так просто не может быть.

Вот и последний уголек погас. Печка еще хранила какое-то тепло, и Степан прижался к ней, положил на нее голову. Потом перевернулся, чтобы погреть спину.

Вспомнилась Людка. Такая домашняя, теплая, уютная. Прижаться бы к ней, утопить лицо в груди, вдохнуть ее запах...

Ледяной воздух волнами касался лица – робко, осторожно, словно пробовал, готов ли этот едва шевелящийся организм стать частью безмолвия.

«Где ты, Борька, – думал Степан. – Знал бы ты, в какую беду я попал, – прибежал бы на помощь. Тысячи километров бы пересек за один час, нашел бы способ. Появился бы тут – бодрый, озорной, веселый. Посмеялся бы надо мной. Отогрел, накормил, увез туда, где тепло и безопасно... Где ты, Борька?»

На улице что-то размеренно зашкрипело. Потом вдруг грохнула дверь, в проеме обозначилась человеческая фигура.

Степан мысленно усмехнулся. Вот и первые галлюцинации. Сейчас станет тепло, придут волшебные видения, ощущение счастья. Потом – смерть.

Но тепло не стало. Вместо этого прозвучал сиплый усталый голос:

– Эх... глупый-глупый русский...

* * *

Второй день небо над Ривой, столицей Хеленгара, было закрыто темными косматыми облаками. Шел нескончаемый дождь, сделавший мир серым и потухшим. Далекие гудки паровозов напоминали грустные крики огромных животных, промокших и замерзших.

А по блестящей мокрой брусчатке у стен дворца, несмотря на дождь, шагали в парадной форме отряды королевской гвардии. Согласно уставу, ежемесячный гвардейский парад могло отменить только одно обстоятельство – война.

Войны сейчас не было. И даже не намечалось. Рослые подтянутые солдаты маршировали сквозь дождь, крепко держа винтовки перед собой.

Геральд-министр Дориан Умбар на правах министра второй статьи занимал второй ряд на трибуне среди лиц, принимающих парад. Он стоял под навесом, глядя через головы седовласых ссутуленных государственных мужей.

Дориан завидовал. Но не этим старцам, к которым обязан был почтительно обращаться «ваше повелевание». Он завидовал гвардейцем. Он сам хотел бы так идти во главе колонны, в лиловом или изумрудном мундире, сквозь дождь, снег, огонь – что угодно.

Он видел себя командиром этой неукротимой сплоченной силы – дворцовой гвардии.

Но увы, чин обязывал его к обратному. Дориану следовало быть добросердечным и внимательным, мягким и почтительным даже к простолюдинам и чужестранцам.

А ему хотелось быть жестким.

– Ваше повелевание, простите за беспокойство... – Дориана тронули за локоть.

Это был Луккидж, исполнительный секретарь Кабинета.

– Что случилось? – сухо спросил Дориан.

– Прошу вас немедленно пройти в Малахитовую залу. Вас высочайше ожидают.

– Сам король? – Дориан невольно выпрямил спину.

– Прошу, следуйте за мной...

Геральд-министр вошел в Малахитовую залу, досадуя, что на его безупречный мундир все-таки попали капли дождя. Тут же зафиксировал взгляд на лице короля – узким и темным, словно высушенная хлебная корка.

– Ваше Всевластие, прибыл согласно высочайшему распоряжению...

– Проходите.

Дориан быстро осмотрел собравшихся. За столом сидели старший военный советник, казначей с двумя помощниками, какой-то чин в железнодорожном мундире. Вице-канцлер Лори занимал место по левую руку от короля.

И был еще один – массивный, уса́тый, в нелепой пятнистой форме. Начальник пограничного дивизиона, чужестранец со странным именем Попов. Ему-то что здесь надо?..

– Мы ознакомились с вашим донесением о дипломатической экспедиции на плато Эль-Пиро, – заговорил король, не предлагая Дориану сесть. – Вы утверждаете, что вас приняли нелюбезно?

– Нас вообще не приняли, Ваше Всевластие, – четко ответил Дориан, глядя в точку перед собой. – Представители племени кечвегов выслушали меня и ушли. Мы разбили лагерь и сутки ждали, пока их вождь нанесет нам визит, но не дождались.

– Что именно вы предлагали? – поинтересовался казначей.

– Мы ни на букву не отступали от наставлений, данных нам Кабинетом. Предложения были простые и вполне приемлемые. Присягнуть Короне, принять наместников, упразднить отряды самообороны. И продолжать жить и трудиться во славу Хеленгара.

– Не показалось ли кечвегам, что вы хотите ущемить их права?

– Я был весьма деликатен, Ваше Всевластие. Я выражал готовность договариваться, а не притеснять.

– Почему же кечвеги не захотели с вами разговаривать?

– Ваше Всевластие, они дикари! – Дориан твердо посмотрел в лицо короля. – Они понимают лишь язык силы. Я видел их бродячий город, это зрелище отвратительно для любого цивилизованного человека.

– Почему же? – По лицу короля скользнула странная улыбка.

– Представьте себе скопление из нескольких сотен огромных паровых и газовых машин, Ваше Всевластие. Вся эта ржавая куча ползет по древним руинам Пир-Града. Ковши зачерпывают обломки и отправляют их в печи. Тут же, на ходу, выплавляются чушки из неочищенного металла. Среди огня и работающих механизмов бегают их дети. Женщины там носят мужские брюки. Они питаются тем же жиром, которым смазывают свои машины...

Король вдруг тихо рассмеялся, и Дориан с недоумением замолчал.

– Вы, видимо, никогда не были в наших трущобах, дорогой Дориан. Там тоже, знаете ли, не все в порядке. А кечвеги не такие уж и варвары, если управляют машинами, а?

Усатый пограничник вдруг бесцеремонно наклонился к королю и что-то прошептал ему на ухо. Король снова рассмеялся.

– Кстати, Дориан, вы знаете, кто их вождь?

– Нет, Ваше Всевластие, он отказался выйти к нам.

– Десятилетний мальчишка!

– Простите, Ваше Всевластие... я не понимаю. – Геральд-министр растерянно заморгал.

– А что непонятного. Их вождю десять лет от роду. Прежний вождь незадолго до смерти успел заделать единственного ребеночка, и формально он стал вождем. А племенем управляют, надо понимать, старейшины. Не исключаю, что именно они вас выслушали. Но почему отказались от дальнейших переговоров – вот загадка.

– Я думаю, они не уважают Корону. И наши меры должны быть...

– Думать будем мы, дорогой Дориан. А вы – исполнять. Вы снова отправитесь в экспедицию. На этот раз наши предложения кочевникам будут еще более лояльными. Сумеете их донести?

– Отдам все силы во имя Короны и нации, Ваше Всевластие! – Дориан вытянулся в струнку.

Король кивнул исполнительному секретарю, и тот открыл двери залы.

– Ваше многовластие, прошу покинуть Высочайший Совет, – проговорил Луккидж, глядя куда-то мимо геральд-министра.

Дориан вышел. Никто не заметил, что он едва сдерживает торжествующую улыбку.

Все складывалось именно так, как и предполагалось.

* * *

– Амир... – прохрипел Степан, пытаясь повернуть голову. Это было непросто – казалось, заледеневшая шея сейчас хрустнет и сломается.

Проводник вошел в помещение, осмотрелся, цокая языком и сокрушенно качая головой.

Он и сам выглядел страшновато. Подранная одежда была заляпана кровью, лицо с одной стороны посинело, превратившись в большой синяк. Амир шел с трудом, опираясь на палку.

Он скинул небольшой рюкзак, бросил на пол. Снял с пояса нож – кривой и тяжелый.

– Жди меня, Степа. Держись, сейчас принесу дрова.

И ушел, все так же тяжело опираясь на палку.

Степан плотнее обнял печку, ощупал, стараясь найти хоть один еще не остывший участок. Он не знал, верить ли своим глазам и ушам. Откуда здесь появился погибший проводник, от которого должны были одни кости остаться?

Но вот лежит его рюкзак и кучки снега на полу с его ботинок...

Амир вернулся довольно быстро с охапкой сучьев. Первым делом снял полушубок, накинул на Степана, нахлобучил на него шапку.

– Грейся. Сейчас печь растоплю.

Оказалось, под одеждой у него тоже все в крови. Живот был обмотан какой-то тряпкой, пропитавшейся бурым.

– Как ты выжил, Амир? – с трудом выдавил Степан. – Я же сам видел, как тебя... только автомат на снегу остался.

Амир фыркнул, колдуя с печкой.

– Губастик – зверь страшный, но глупый, – сказал он. – Если думает, что уже тебя убил, то всякую осторожность теряет. Главное – его обмануть и себя не выдать.

В печке затрещал огонь, дохнуло жаром. Амир вдруг увидел кружку со спиртным, понюхал, хмыкнул одобрительно – и тут же залпом выпил. Продолжать рассказ он, похоже, не собирался.

Полез в рюкзак, достал две плоские банки с консервами.

– Грей еду и сам грейся, дрова подкидывай, – сказал он, забирая у Степана одежду. – Я сейчас приду.

Вдруг он остановился, заметив на стене чертеж «саней» с печкой.

– А это что?

– Так, ерунда... передвижную грелку вот пытался изобрести себе.

Амир поводит пальцами по «чертежу», непонятно хмыкнул.

– Ну... не такая уж и ерунда. Сани, печка... если над печкой палатку поставить... хм...

Он подкинул свой нож, ловко поймав за лезвие, и снова вышел. На этот раз его не было дольше. Он пришел и притащил целую грудку сучьев, свалил их у стены. А потом – еще.

– На ночь должно хватить, – вздохнул он, держась за окровавленный бок и покачиваясь.

– Амир, а что дальше будем делать? У меня одежды никакой...

– Сейчас... дай отдышусь. Одежда тебе будет, все будет.

Он сполз по стенке и сидел несколько минут, уронив голову.

– Амир! – забеспокоился Степан. – Может, надо чего?

– Не... ты грейся.

Он с трудом поднялся и снова ушел на улицу. Вернувшись через полчаса, он со стуком бросил на пол нечто, похожее на заиндевелую корягу.

– Вот и тулупчик тебе нашелся, – устало проговорил он. Затем подошел к печке и упал перед ней на четвереньки. – Открывай консервы. Там, посмотри, еще чай в рюкзаке.

Степан осмотрел принесенную добычу. Это действительно был короткий тулуп, весь насквозь заледеневший, словно его вырубили из ледника. И еще – большая меховая шапка плюс пара смерзшихся рукавиц.

– Положи на печку, – сказал Амир. – До утра подсохнет. Воротник поднимешь – будешь как космонавт!

Степан вдруг увидел, что посреди спины на тулупе выделяется дырочка, окруженная темной кромкой.

– Откуда одежда?

– Есть места. Ты консервы-то открывай.

Молча поели, заварили чай. Вроде бы все хорошо. Только Амир был какой-то вялый, словно спал на ходу.

– Слушай, Степа, мне отлежаться надо, – сказал он. – Ты за печкой следи, а то озябнем к утру. Я посплю, ладно?

– Конечно! – воскликнул Степан.

Амир подтянул свой рюкзак, отвернулся к стене и принялся разматывать тряпку на животе. Запахло какими-то лекарствами, он обрабатывал рану. Потом расстелил свой полушубок и лег сбоку от печки.

– Дрова... не забывай... – пробормотал он и тут же отключился.

* * *

Странно, но бессонную ночь Степан пережил легко. Он расслабленно сидел перед печкой, подкидывал дрова, щупал и переворачивал свою новую одежду.

И раз за разом вспоминал этот момент: как жизнь его от точки полной безысходности вдруг перешла в фазу надежды. Как грохнула дверь, как проход загородила фигура Амира – человека, знающего, что и как делать.

И каждый раз это поднимало какую-то теплую волну в груди. И спать не хотелось.

Дрова уже кончались, но тулуп и шапка оттаяли и, к счастью, высохли. Зашевелился Амир, испустил протяжный болезненный вздох. Сначала молча лежал, глядя в потолок и поглаживая рану на животе.

– Зачем ты пошел с Расулом? – спросил он. – Я же говорил тебе...

– Прости, Амир. Я просто не знал, что мне делать. Когда ты... когда тебя не стало, у меня словно земля под ногами провалилась. Что делать, куда идти? А Расул – он сам подошел, обещал довести, позаботиться.

– Ну да, подошел, обещал... – Амир горестно вздохнул. – Я полежу еще, а ты чай сделай. Идти надо.

Тулупчик после сушки принял вполне приличный вид, если не считать окровавленной дырки на спине. Сидел плотно, грел хорошо – что еще надо? Шапка и рукавицы тоже пришлись в пору.

Наконец выбрались из убежища на мороз. Стояло серое раннее утро. Степан посмотрел по сторонам – и едва не подпрыгнул на месте...

– Амир, что это?!

Шагах в десяти в снегу темнела продолговатая яма. Рядом валялась человеческая рука, отрубленная по самое плечо. На куче снега – еще одна.

А из ямы торчала всклокоченная голова. Было видно и лицо – тонкое, крючконосое, сухое, воскового цвета.

– Знакомый один, – равнодушно ответил Амир.

– И что с ним?

– Убили. В том году еще.

– Постой... так это его одежда?! – У Степана все сжалось внутри.

– И что? Фасончик не подошел? Ну, отдай ему обратно.

– Да нет... оставлю себе, пожалуй, – пробормотал Степан.

О черт... Выходит, этот теплый тулупчик и удобная шапка целый год лежали в могиле, примороженные к покойнику.

А впрочем, кого это здесь может волновать...

– Ну, пошли, чего нахохлился? – устало вздохнул Амир.

– Да-да, идем... А с руками-то что у него?

– А как бы я тулуп с него стащил, если б руки не отрубил? Он же совсем как камень!

Шли не быстро. Амир прихрамывал, опираясь на свою палку. Иногда морщился и бормотал под нос неразборчивые ругательства.

Как-то раз он споткнулся, и Степан поспешно подставил ему руку. Но Амир со злостью отмахнулся.

– За собой следи, – бросил он.

Снежную равнину укрывал туман, из которого выплывали громады ледяных глыб. Часа через три воздух стал заметно прозрачнее, сквозь дымку показалось маленькое желтое солнце.

Ноги и мысли жили отдельной жизнью. Бессонная ночь приносила свои плоды – Степана навещали какие-то бестолковые видения, ему мерещилось, что льдины шевелятся, а с неба свисают тонкие прозрачные щупальца, хватающие за плечи.

Тем временем воздух окончательно очистился, и Амир сбавил шаг.

– Видишь, там впереди? Станция. Совсем мало идти осталось.

Степан пригляделся, но ничего не увидел. В глазах рябило от бесконечного снега.

Дорога пошла вверх. Вместо льдин теперь были каменные валуны, припорошенные снегом. Редкие кривые деревца помогали карабкаться. Степан мало смотрел по сторонам, в основном – под ноги. А когда поднял взгляд, удивленно заморгал.

Их окружали уже не валуны, а невысокие развалины, заросшие все теми же деревцами, заваленные снегом. Кое-где чернели перекошенные ржавые балки, какие-то мостики, эстакады.

Располагалось все хаотично, словно высыпаемые из коробки кубики. И петлять среди мертвых построек было не очень-то просто. Степан все пытался разглядеть что-то похожее на улицу, но так и не разглядел.

А потом они взобрались на груды бетонных обломков, и Степан увидел местность слегка сверху. Не без труда он смог разглядеть – все эти комплексы построек и сооружений располагаются концентрическими кольцами. В центре нависало серыми стенами огромное, прямо-таки циклопическое здание очень простой прямоугольной формы. Оно было старое, стену покрывали трещины и внушительные проломы. Дальний конец был и вовсе обрушен почти до основания.

– Станция, – вздохнул Амир, потирая бок. – Вроде как вокзал. Нам – как раз туда.

Степан только покачал головой. Он совсем по-другому представлял себе этот «вокзал». Ожидал многолюдья и шума, бойкой торговли, паровозных свистков. А тут – все то же запустение и холод.

– Здесь кто-то живет? – спросил Степан.

– Уже лет пятьсот, как никого. Ничего не осталось, кроме рельсов. Поезда останавливаются только для обхода и проверки. Но нам больше и не надо.

– Здесь останавливаются поезда? – удивленно переспросил Степан.

– Да-да, останавливаются. Мы сейчас в высокогорье. Ночь пути – и начнутся жаркие пустоши. Они обязательно проверяют тормозные механизмы перед спуском. Здесь это удобно.

Идти сквозь завалы было все трудней.

– Что за дурацкая планировка, – проворчал Степан. – Двух шагов нельзя пройти, чтобы не уткнуться в очередную стену или кучу камней. Неужели тут не изобрели прямые улицы?

– Тут всего одна улица, она по спирали окружает станцию. В случае нападения сквозные проходы быстро перекрывались. И врагу приходилось долго-долго пробиваться по кругу, чтобы захватить платформы.

Они вошли в огромный вокзал через один из проломов. Оказалось, в здании нет крыши. И вообще ничего достойного внимания тут не было – просто каменная коробка, заваленная снегом и обломками.

Шаги отдавались гулким эхом, больше – никаких звуков. Степан увидел рельсы – много рядов, засыпанных каменными глыбами, ржавых, искореженных, местами разобранных. Лишь один путь был в полной сохранности, а верхняя кромка рельсов матово блестела, отполированная колесами.

– Следы... – сказал вдруг Амир, чуть наклонившись. – Вчерашние вроде.

– Это Расул? – напрягся Степан.

– Не обязательно.

– То есть мы можем кого-нибудь встретить?

– Это вряд ли. – Амир неторопливо шагал, вглядываясь в следы. – Все уже уехали, думаю, еще вчера. Кажется, мы пришли!

Он остановился возле ржавого квадратного люка, выделяющегося темным пятном среди обледенелого каменного пола.

– Вот тут они полярный экспресс ждали. И мы будем. Помоги-ка...

Амир подковырнул железную плиту ножом, Степан помог ее поднять.

Снизу вдруг дохнуло влажным теплом. В темноту уходила скобяная лестница.

– Полезли, чего стоишь. Только люк за собой закрой, мне тяжело.

Внизу Амир включил фонарь. Здесь было что-то вроде коммуникационного тоннеля – по стенам, уходя в стороны, тянулись трубы. Степан потрогал – некоторые были теплыми.

– Откуда тепло? – удивился он. – Котельная рядом работает, что ли?

– Да не знаю. Тепло, и слава богу. Располагайся. Нам надо только сидеть и слушать, когда экспресс подойдет.

– Услышим?

– Не сомневайся.

Он уселся на рюкзак, прислонившись к трубам. Некоторое время ерзал – видимо, раны не давали спокойно устроиться.

– Амир, где мы? – не выдержал Степан. – Мне кажется, что все это снится – снег, странные деревья и животные, развалины... Такого же не бывает. Мы словно на другой планете.

Амир сначала лишь что-то пробурчал с досадой.

– Сам все видишь, сам понимаешь – делай выводы. А ко мне не лезь, – сказал он, недовольно сверкнув глазами.

– Ясно... – вздохнул Степан. – А поесть ничего не осталось?

– Нет. Терпи.

Амир перестал ворочаться, прикрыл глаза и будто бы снова задремал. Но вдруг он довольно отчетливо проговорил:

– Скажи, Степа, ты из ружья стрелял?

– Что? – удивился Степан.

– Знаешь, я бы не вырвался от того губастика. Но он сам был ранен. Хорошо так ранен, не автоматом. Ему бок знатно картечью разворотило. А у кого там картечь была, кроме тебя?

– Я стрелял, только сам не знаю куда... – безвольно пожал плечами Степан. – Что-то такое показалось – я и пальнул.

– Правильно пальнул. – Амир вдруг едва заметно улыбнулся в полутьме. – Спасибо тебе, Степа.

Потом они долго сидели молча. Степан пригрелся, расслабился. Время от времени он проваливался в неглубокий сон, но тут же открывал глаза. Спать не получалось – на душе было тревожно. Казалось, только расслабься – и вновь угодишь в беду.

И все-таки он уснул. Амир долго тряс его за плечо, пока Степан соображал, почему вокруг темно и что за грохот над головой.

– Ну, подъем! Экспресс прибыл, слышишь? Быстро вверх!

– Да, сейчас. – Степан потряс отяжелевшей головой и первый полез по лестнице.

Он сдвинул крышку люка, выполз на поверхность, щурясь от яркого света, и наконец увидел поезд.

На первый взгляд – обычный поезд. Деревянные вагоны, платформы с неведомыми грузами, накрытыми брезентом. Но что-то было не так. Другие пропорции, другой звук, запах –

все сбивало с толку человека, привычного к стандартному, сто раз виденному подвижному составу.

– Быстро, Степа, быстро! – проговорил Амир. – Некогда по сторонам зевать.

– Что делать-то?

– За мной...

Он какое-то время метался между грудями обломков, наконец остановился.

– Здесь – хорошо. Присядь и не высовывайся. Если что случится – вон, дыра в стене, выбирайся и беги без оглядки.

– А ты куда?

– Я договариваться буду, Степа. Это тоже непросто.

– С кем?

– Как повезет. Лучше – если с пограницами. С паровозными дозорными труднее лялкать, они больно уж гордые. Наши-то попроще...

Поезд наконец начал замедляться. От визга тормозов завибрировал воздух.

– А если мне бежать, то куда?

– Тише, говорю. Все, замри. Ждем.

Поезд уже стоял, но продолжал издавать разнообразные звуки – в нем постоянно что-то шипело, лязгало, потрескивало. Амир очень осторожно выглядывал из-за камней и что-то бормотал.

– Идут... – сказал он. – Замри. Совсем замри, дыши через раз.

Степан все же нашел щель между обломками и глянул вдоль путей. Он сразу увидел четыре фигуры, идущие в его сторону от головы поезда.

Трое были в одинаковой светло-зеленой форме, закутанные и утепленные до невозможности. Лица скрывали черные маски с дырками для глаз, на глазах же были большие очки, вроде горнолыжных.

У них были автоматы. Шли неторопливо, внимательно смотрели по сторонам. Словно три неумолимых безликих смертоносных робота.

На четвертом была черная форма, он подходил почти к каждому вагону, что-то осматривал, обстукивал и ощупывал.

Степан перевел взгляд на Амира. Тот сосредоточенно сопел, не сводя с патруля прищуренного взгляда.

– Пора, – шепнул он. – Смотри, не подставляйся.

Он чуть-чуть высунулся из-за камней, подняв над головой обе руки.

– Здорово, застава! Поговорить можно?

* * *

Степан понимал, что реакция патрульных может быть довольно нервной, и его предположение оправдалось с избытком.

Трое моментально вскинули автоматы, отскочили друг от друга, пригибаясь и готовясь стрелять с колена. Четвертый, тот, что в черном, отступил куда-то между вагонами, став невидимым.

– Руки держать!

– Выходи спокойно!

– Не дергаться!

– Сколько вас? Все выходите!

– Увижу оружие – положу на месте! – одновременно закричали пограничники, заполнив пустой вокзал обрывками эха.

– Степа, выходи за мной, – быстро проговорил Амир, не оборачиваясь. – Только тихонько, и руки держи на виду.

Идти грудью на три автоматных ствола было очень некомфортно. Однако Степан постарался не пугать себя раньше времени. В конце концов, рядом Амир, который знает, что делает.

Их обоих быстро и со знанием дела обыскали, расстегнув верхнюю одежду. У Амира нашли пистолет, но, как ни странно, никакого ажиотажа это не вызвало.

Почему-то тщательно проверили руки – кисти и запястья, словно искали какие-то следы.

– Вещи ваши где? – спросил невысокий коренастый пограничник, который, судя по ухваткам, был тут старшим.

– Вот все вещи. – Амир кивнул на свой рюкзак.

– Не понял... – угрожающе надвинулся пограничник. – С одним мешочком через бор прошли? Или за дураков нас держите?

– Да что вы, ребята... – испуганно пробормотал Амир и невольно вжал голову в плечи. – Я вот парнишку веду. Он тут новенький, вы его не обижайте. Ограбили его, чуть не убили. Никаких вещей не осталось.

– Чуть не убили, говоришь? – хмыкнул другой пограничник и, обойдя Степана сзади, ткнул ему пальцем в спину. – Так он у тебя с пулей в спине гуляет?

– Не, сейчас без пули обошлось, – помотал головой Амир. – Это с чужого плеча костюмчик. Так, подобрали по дороге...

– Чей, говоришь, костюмчик?

– Этот-то? Да Юрки Семяцкого, слышали?

– А-а, это который с каким-то жирным все время ходил?

– Да-да, с Поваром!

– Известные проходимцы, – кивнул старший пограничник. – Надо понимать, вы его и порешили?

– Да что вы! Нет, Юрку давно грохнули, уж год прошел. А тулупчик – вот он, пригодился.

– То-то его давно не видно...

Степан помалкивал, продолжая держать руки чуть приподнятыми. Амир назвал еще пару каких-то имен, после чего пограничники заметно расслабились и даже закурили. Автоматы, впрочем, за спины не закинули, продолжая поглядывать по сторонам.

Человек в черном вышел наконец из укрытия и вернулся к обстукиванию вагонов.

– Ну, пойдем, покалякаем, – сказал старший пограничник и поманил Амира куда-то в сторону.

Степан не слышал и не видел их разговора, он так и стоял столбом, боясь сделать лишнее движение.

– Да опусти ты руки, – сказал наконец пограничник. – Сам откуда?

– Из Подмосковья.

– Жалко... Не везет мне на земляков.

Амир вернулся довольно скоро. Выглядел он почти воодушевленным.

– Пошли, покажу апартаменты, – сказал старший пограничник и первый зашагал вдоль поезда. Шагов через пятьдесят он вскарабкался на платформу, занятую огромной цилиндрической конструкцией, открыл какой-то люк. – Добро пожаловать, как говорится. Располагайтесь согласно купленным билетам.

– Ну, чего встал, пошли! – шепнул Амир и подтолкнул Степана.

Оказалось, им предлагают устроиться в некоем технологическом отсеке. Места там как раз хватало, чтобы двое могли вытянуть ноги. Но самое ужасное – здесь был такой же холод, что и снаружи. Степан живо представил, как они вдвоем коченеют в этой железной келье под стук колес.

– Наружу не лазить! – предупредил пограничник, прежде чем захлопнуть над ними люк. – И на остановках сидеть тихо, как мыши. С другим патрулем можете не столкнуться.

– Амир, сколько нам ехать? – дрогнувшим голосом спросил Степан, когда они остались одни.

– Да пару дней.

– Пару дней?! В этом морозильнике? Амир, но как же так?!

– Не бойсь. Они там кран чуть повернули. Поезд тронется – сюда тепло от тормозов пойдет.

– Тепло – это хорошо, конечно. Только еще поесть бы. Два дня все-таки...

– Да не бойсь, говорю. Я у них еды купил. Как обратно пойдут, закинут нам сюда узелок.

Степан протяжно вздохнул. Поерзал, устраиваясь удобнее. Тепла хотелось как можно скорей – металлические стены и пол высасывали жизненные силы даже сквозь теплую одежду.

– Хорошие люди... – пробормотал Амир. – Не били, не грабили. Все по делу решили.

– Это пограничники?

– Ну да. Ловят таких, как ты.

– А нас почему не поймали?

– А ты как думаешь?

– Наверно, ты им денег хорошо отсыпал, – кисло усмехнулся Степан.

– Ну, это обязательно. А вообще – чего им нас ловить? Мы ничего не несем, вреда от нас нет, просто сами идем. Это не грех.

– А за что тогда им платить?

– А вот за эту плацкарту. Или тебе снаружи хотелось остаться?

– Понятно... Черт, когда уже будет тепло?! У меня ноги отнимаются.

– Потерпи, потерпи... сейчас поедем. За ночь в долину спустимся – там уже жарче, тулупчик скинешь. Потом и люк придется открывать. Так согреешься, что обратно в снег захочется.

– Уже не верится, что где-то бывает тепло...

– Ладно, не бубни. Мне отдохнуть надо.

Амир прикрыл глаза и замер, словно выключился. Рука его осталась лежать на раненом боку.

Степан повертелся еще немного, пытаясь сгруппироваться и сесть так, чтобы не выпускать остатки тепла из-под одежды. Но холод все равно вползал под тулуп и сапоги, упрямо и настырно, словно жадное и агрессивное живое существо.

Потом наверху грохнул люк, заставив Степана вздрогнуть. Свет закрыл силуэт пограничника.

– Старшой велел вам передать, граждане пассажиры.

На колени упал увесистый сверток. Очевидно, обещанная еда.

– Спасибо! – крикнул Степан.

– Бывай-послужим! – донеслось сверху непонятное.

Степану хотелось бы утолить голод прямо сейчас, скорее, но начинать без Амира было как-то неудобно. А тормозить его не хотелось.

Поезд тронулся с грохотом, способным, казалось, расколоть мир. Платформа резко качнулась, толкнув в спину металлической стенкой.

Амир застонал, зашевелился и открыл наконец глаза.

– Едем... – с облегчением проговорил он. – Еду принесли?

– Да, вот, только что, – с готовностью ответил Степан.

– Давай-ка подкрепимся.

Он достал фонарь и принялся шуршать свертком. Степан так и не разглядел, какое меню им предложили, но затем Амир протянул ему что-то вроде бутерброда.

– Ешь маленькими кусочками и жуй хорошо. Надолго сыт будешь.

Степан откусил и тут же невольно поморщился. Кушанье напоминало черствый пирожок с солидолом.

– Что это за дрянь такая?

– Ну, извини, тут тебе не Арбат. Рябчиков с ананасами нету.

Степан хотел было обидеться на рябчиков, но передумал. К необычному вкусу он быстро привык, да и деваться было некуда. Амир оказался прав – экзотический рацион насытил быстро и добротно.

Вдобавок в отсеке действительно стало заметно теплее – нагретый воздух шел из каких-то щелей снизу.

– Скажи, Амир, а Расул – он тоже таким же поездом добирается?

– Тебе-то какая забота?

– Просто интересно. Как они – такой толпой, да еще с ящиками...

– Расул – хитрый и свое дело знает. А его ящики – не твоего ума дело, лучше и не заикайся про них. Вообще поменьше носом по сторонам верти.

– А я что такого сказал?

– Будешь слишком любопытный – тулупчик еще кому-нибудь достанется. Только уже с двумя дырочками. Кумекаешь?

– Ладно, молчу.

– Вот, молчи. Я посплю еще. И ты поспи – дорога долгая.

* * *

Платформу довольно сильно качало, но ощущение поездки было совсем не такое, что обычно бывает в поездах дальнего следования. Скорее, как на старом неудобном корабле.

Проявив фантазию, можно было представить себя рабом в трюме или узником в каменном мешке. Но только не пассажиром экспресса. Степан с кислой усмешкой вспоминал, как еще в лесу он надеялся сесть на поезд – на настоящий поезд, где купе, белье и чай.

Вот тебе и купе с чаем...

Он уснул, совершенно не видя снов. Просто провалился в вязкий студень, заглушающий стук колес. Несколько раз просыпался только чтобы убедиться – вокруг все по-прежнему.

В какой-то момент проснулся и уже не смог заснуть. Было душно, вдобавок болела голова.

Степан поднялся и приоткрыл люк – в лицо ударило свежим и довольно прохладным воздухом, но обжигающего мороза уже и в помине не было.

Тут же зашевелился Амир.

– Открой его совсем, – тяжело проговорил он. – А то сопреем здесь. Скоро тепло будет. Да ты расстегнись, не бойся.

Степан последовал совету и откинул крышку люка. Не удержавшись, он выглянул наружу.

В предрассветной мгле состав мчался, разрезая целое море густого, стелящегося по земле тумана. Дорога шла вниз, а по обе стороны выплывали из белой пелены жуткого вида руины. Громадные обломки в сумерках можно было бы принять просто за скалы. Однако на глаза то и дело попадались признаки их рукотворного происхождения – остатки каких-то решеток, мостиков или переходов, ряды покосившихся колонн, скрученные металлические каркасы.

Амир вдруг протяжно застонал.

– Ты нормально себя чувствуешь? – испугался Степан.

– Лучше некуда... Ты поешь еще.

– Да я вроде не хочу...

– Ешь... воду достань. В рюкзаке у меня посмотри.

Степан включил фонарик, нашел обычную армейскую флягу, скрутил крышку и протянул Амиру. Тот пил долго, маленькими глотками. Затем снова застонал.

– Все проходит, Степа... – прошептал он.

– Ты о чем?

– Все проходит. Камни... камни убери с меня. С глаз убери, давят. Только корни не трогай. Они в самом сердце... больно будет...

– Амир, я тебя не понимаю!

– Жара, жара... Облака быстрее ветра... Ешь плов, пей вино, Степа... все кончится. Ну, убери же камни!!!

Он снова застонал.

– Тише, тише! Расслабься, все будет хорошо!

Степан взял было Амира за руки, но тут же отшатнулся – его попутчик был горячим, как печка.

– Амир, слышишь меня? Как связаться с пограничниками? Давай я проберусь в локомотив, скажу, что тебе плохо.

– Мне хорошо, Степа, мне – лучше всех.

Люк над головой светился серым квадратным пятном – снаружи занималось утро.

Амир внезапно открыл глаза и посмотрел на Степана очень ясным и осмысленным взглядом.

– Теперь ты один, Степа. Сиди тихо, жди. Выходи, когда приедешь в большой город. Ты сам увидишь, не ошибешься. Там тебя ждать должны... Борис же тебе объяснил, да? Его зовут Хозо, он торговец рыбной мукой, его там знают... найдешь...

Глаза снова начали меркнуть.

– Амир, не засыпай! – закричал Степан. – Держись, цепляйся! Я тебе помогу.

– Вот еще, Степа... Святой Мохаммед, брат мой. Поклонись ему. Скажи, я прощения просил... Святой Мохаммед... передай через монахов или сам найди Обитель... его все знают... Пусть простит за Исиду...

Внезапно с улицы донесся какой-то протяжный рокочущий звук. Степан не сразу сообразил, что это всего лишь гудок паровоза.

– Сейчас остановка будет, – отреагировал Амир. – Сиди там тихо...

– Что тебе дать, Амир? Хочешь еще воды?

– Камни убери... – едва слышно прошептал Амир. – Камни... давят...

Паровоз снова загудел и после этого стал плавно замедлять ход.

– Амир, держись! – У Степана задрожал голос от внезапного приступа паники. – Не отключайся, слушай меня! Продержись немного, я найду кого-нибудь, тебя вытащат!

Степан еще долго теребил его руку – все еще горячую, что-то говорил, требовал, убеждал. Но Амир не отвечал. Он только смотрел на Степана темными немигающими глазами. Потом его голова свалилась набок, и взгляд устался в пол.

Степан какое-то время сидел в оцепенении, слушая, как скрипят под полом тормоза. Состав шел все тише и тише. Наконец сильно качнулся и остановился. Металлический грохот прокатился волной от первого вагона до последнего.

Степан распрямился и выглянул наружу.

Он увидел рельсы и поезда – много, целое поле. Слышались паровозные гудки, тянуло запахом дыма. Сквозь туман проступали контуры однотипных высоких зданий, похожих на элеваторы.

Людей в поле зрения не было, но где-то рядом они точно должны оказаться. Место выглядело, без сомнения, обитаемым.

– Держись, Амир, – прошептал Степан, после чего выбрался из люка и спрыгнул с платформы.

Под ногами хрустнула самая обычная щебенка. Степан глянул по сторонам, но ничего определенного не увидел. По бокам – составы, впереди и сзади – проходы между рельсами, края которых тонули в тумане.

Он направился в сторону построек, прямо по ходу поезда. Сначала шагал быстро, потом перешел на бег. Тут же взмок в своем полярном облачении – свитере и толстом полукомбинезоне.

Степан остановился перевести дух. Он согнулся пополам и сделал несколько глубоких вдохов. В ушах стучал пульс, но это не помешало услышать, что рядом кто-то негромко переговаривается.

Степан затаил дыхание. И теперь уже совершенно явственно услышал голоса.

– Эй! – закричал он. – Нужна помощь! Человек умирает!

Голоса тут же смолкли.

– Где вы? – снова закричал Степан. – Покажитесь, я вас не вижу!

Спустя минуту из-за края вагона осторожно высунулась чья-то голова.

– Я здесь! – Степан взмахнул рукой и первый пошел навстречу. – Нужна помощь, врач нужен!

Незнакомец показался полностью. Своим одеянием он отчасти напоминал бедуина: просторные накидки, широкие штаны и серый платок, в несколько слоев намотанный на голову и прикрывающий лицо почти полностью.

Он быстро сдернул с плеча примитивного вида ружье и наставил на Степана.

Тот не испугался. Просто поднял руки и сбавил шаг.

– Не стреляйте! Я без оружия.

– Хорь-хорь! – отчетливо произнес незнакомец и прицелился прямо Степану в лицо. Тот остановился.

– Не стреляйте.

За спиной захрустела щебенка. Степан обернулся и увидел еще одного человека, точно такого же «бедуина». Теперь на него смотрели два ствола.

– Аманут! Шорр-ном! – проговорил второй незнакомец командным голосом.

– Простите, я вас не понимаю, – простодушно развел руками Степан. – Ду ю спик инглиш?

– Хорь! – процедил сквозь зубы первый «бедуин».

В следующую секунду Степан свалился на щебенку от удара прикладом в голову.

Он был в отключке совсем недолго. Открыв глаза, увидел следующее: один из незнакомцев держал у его горла большой нож, второй же пытался шарить по карманам и под одеждой.

Степан повернул голову и вдруг едва не вскрикнул от изумления. Он увидел глаза незнакомца – они были нечеловеческими, желтыми и совершенно круглыми, как у совы! И такие же птичьи глаза были у второго.

– Пустите, пожалуйста, – выдавил Степан. – У меня ничего нет, я просто ищу врача. Доктора, понимаете?

– Аманут! – рывкнул незнакомец и чуть сильнее надавил холодным зазубренным лезвием Степану на кадык.

Второй, не найдя в карманах ровным счетом ничего, начал стягивать с руки часы. Он сердито бормотал что-то, потому что никак не мог справиться с замком браслета.

Степан вдруг разозлился.

– Да что ж вы делаете, твари! – крикнул он. – Мне человека спасти надо! Часы тебе нужны? Да забирай!..

Он не договорил, потому что воздух неожиданно вздрогнул от мощного рокочущего паровозного гудка.

Оба «бедуина» испуганно дернулись и одновременно посмотрели куда-то в сторону. Лезвие перестало касаться кожи.

Степан, совершенно не задумываясь, вывернулся, откатился в сторону и проскочил между колес ближайшего вагона.

Вскочив на ноги, помчался между составами.

– Хорь! Хорь! – донеслось за спиной.

Его преследовали: до ушей отчетливо доносился хруст щебенки из-под ног обоих грабителей.

«Только бы не стреляли, только бы не стреляли...» – билась в голове единственная испуганная мысль.

Он снова быстро выдохся – бежать в тяжелой зимней одежде было чертовски непросто. Степан начал терять темп. Вдобавок его здорово шатало после оглушающего удара.

Не выдержав, он закричал:

– Помогите!

И тут же, споткнувшись на крупном камне, грохнулся, едва не разбив лицо. Быстро вскочил, заметив боковым зрением, что грабители вот-вот вцепятся в него, рванулся вперед.

– Помогите! – Для громкого крика не хватило воздуха, получился лишь какой-то отрывистый стон.

Силы кончились, дыхание напрочь сбилось, и Степан уже готов был свалиться с ног, сдавшись грабителям без остатка.

Но вдруг он увидел, что впереди из-за вагона вышел какой-то человек в простом армейском камуфляже. На удивление спокойно и неторопливо он выдернул из кобуры пистолет, навел его на Степана, одновременно принимая стойку для стрельбы с двух рук...

Степан даже испугаться не успел. Бахнул выстрел, и Степан упал на колени, судорожно закрывшись руками.

Но боли не было, и вообще ничего не было.

Он обернулся.

Один из «бедуинов» валялся ничком на щебенке, разбросав конечности во все стороны. Второго не было – видимо, успел нырнуть под вагон.

– Руки покажи! – скомандовал стрелок, не убирая оружия.

Он был высокий и молодой – лет двадцать пять. На форме не было никаких нашивок, кроме единственного шеврона с неразборчивым рисунком.

Степан поспешно вытянул руки. Ему даже не пришло в голову подняться, он так и стоял на коленях.

– Мне нужна помощь, у меня друг умирает в вагоне... – торопливо заговорил он.

– Заткнись... – хмуро ответил незнакомец, осматривая запястья Степана. – Давно здесь?

– Здесь? Нет, только что приехал...

– Новичок, что ли? Черт тебя дери, поссать спокойно не дал... – Он отвернулся и принялся застегивать пуговицы на штанах.

– Послушайте же меня! – с досадой воскликнул Степан. – Нужен врач, срочно. Каждая минута дорога!

– Нет, это ты меня послушай. – Человек взял Степана за шиворот и рывком поднял на ноги. – Долго говорить не могу, мне патруль надо догонять. Сейчас я должен надеть на тебя наручники, вколоть пару кубиков аминазина и отгрузить в комендатуру. Но я этого делать не буду – не спрашивай почему. Если ты, дурачок, будешь здесь носиться и орать как резаный – долго не протянешь. А про друга забудь. Нет тут никаких врачей, да и не нужен никому очередной подышающий контрабандист.

– Но...

– Заткнись! Хочешь жить – слушай меня. Возвращайся в свой вагон и сиди тихо, как покойник, пока не доедешь, куда надо. Тебе сегодня крупно повезло, так и знай. Если б я не выпил пива с утра, лежал бы ты уже на рельсах с выпущенными кишками. Все, проваливай! Уходи!

Степан понял, что разговора не будет. Он развернулся и пошел обратно.

– Эй, мужик! – крикнул вдруг незнакомец. – Больше мне не попадайся. В следующий раз сделаю с тобой что положено. И переоденься. А то любой собаке за километр ясно, кто ты и откуда.

* * *

Состав мчался по каменистой долине, то вздрагивая, то покачиваясь.

Степан сидел на платформе, щурясь от встречного ветра. Он знал, что нарушает последние указания Амира, но вернуться в душный железный отсек просто не мог физически.

Там сейчас лежало тело Амира. Степан из уважения уложил его прямо, поместил руки на грудь. У проводника открылся рот, это выглядело как-то нехорошо, но закрыть его не удавалось. Степан вспомнил, что иногда перед погребением покойникам специально подвязывают челюсть, чтобы она не отваливалась.

Впрочем, никакого погребения не предвиделось. Степану не давала покоя мысль, что ему придется так и оставить Амира здесь, и он будет неизвестно сколько мотаться по этим дорогам, пока его случайно не обнаружат пограничники, или паровозные техники, или такие же нелегалы-контрабандисты. Интересно, что они с ним сделают? Похоронят по-людски или просто скинут на обочину?

Страшная судьба... Степан никогда не задумывался о том, каково это – погибать на чужбине, когда рядом нет близких, нет ни жалости, ни сочувствия. Оказалось, это очень и очень печально.

На гнетущие мысли накладывались головная боль и легкая тошнота – удар прикладом в голову не прошел даром. В волосах засохла кровь, рана побаливала.

Тем не менее Степан сделал одно неприятное, но необходимое дело. Обыскав тело Амира, забрал оставшееся золото. И еще взял пистолет. Это был обычный ПМ, только рукоятка у него была странного желто-серого цвета.

Степан всегда старался быть честным человеком, и сейчас его натура протестовала. Ведь это были деньги Амира, он отработал их более чем полностью. Пусть даже мертвый, он достоин быть ограбленным.

Только особого выбора у Степана не было. Все его нравственные условности остались в Москве.

В рюкзаке Амира нашлась легкая одежда, туго завязанная в узел, – длинная рубаха и широкие штаны из очень тонкой ткани. И еще простые стоптанные сандалии.

За это наследство Степан был вдвойне благодарен проводнику.

С каждым часом становилось все теплее, Степан давно скинул зимние штаны, свернув из них подушку под голову. Сейчас на нем оставалось только термобелье, в котором он был похож на лыжника или конькобежца. Для легкой сменной одежды время еще не пришло – воздух был достаточно прохладный.

Спать Степан планировал здесь же, на платформе. Расстеленный тулуп отлично годился на роль матраса.

Путь пролегал через безлюдные каменистые поля. Иногда мимо пролетали какие-то развалины, порой состав проходил над неглубокими ущельями, на дне которых блестела вода.

Единственным событием за последние четыре часа был гудок встречного паровоза с небольшим грузовым составом, который пронесся за несколько секунд.

Над головой висели низкие жиденькие облака, сквозь которые иногда пробивался ненадолго солнечный свет.

Амир говорил про большой город. Интересно, что он имел в виду? Степан при всем желании не мог представить себе сверкающий мегаполис, вырастающий среди пыльной и душной, усеянной руинами пустыни.

Он взял в руки пистолет, прицелился с двух рук в сторону горизонта.

«Интересно, смогу ли я выстрелить в человека так же хладнокровно, случись что?»

В тот момент, когда лезвие царапало горло, казалось, что сможет. И не только стрелять, но и зубами рвать.

Только вот почему-то не рвал, ограничился простым бегством. Наверно, это правильно. Против двух стволов одними зубами и ногтями сильно не повоюешь.

«Какой же ты, Степа, дурак... – говорил он себе. – Глупый русский... Действительно, глупый. Куда тебя понесло, во что ты ввязался?! И почему ты еще жив? Да, Бог хранит дурачков, но так же не может продолжаться вечно!»

И тут же Степан отвечал себе: «А что было делать? Отпустить гонцов и продолжить праздник? А на следующий день забыть обо всем этом?»

Старший брат – этот статус к чему-то обязывает. Пусть и старше всего на пятнадцать минут, но так уж сложилось – все эти тридцать пять лет он считался старшим.

Степан покопался в свертке с едой и убедился, что выданный им паек выглядит и пахнет отвратительно. Лепешки, какая-то жирная паста, стручки, желто-зеленые ломтики – все перемешалось. Он попробовал пищу, но добился лишь усиления тошноты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.